

АННА МАЛЫШЕВА

Суфлер

Художница Александра Корзухина-Мордвинова

Анна Малышева

Суфлер

«АСТ»

2012

Малышева А. В.

Суфлер / А. В. Малышева — «АСТ», 2012 — (Художница
Александра Корзухина-Мордвинова)

ISBN 978-5-271-45072-3

Распознавать подделки, отличать подлинник от фальшивки – это главное дело ее жизни. И настает день, когда это умение становится вопросом жизни и смерти.

ISBN 978-5-271-45072-3

© Малышева А. В., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анна Малышева

Суфлер

Глава 1

Александра снова и снова нажимала кнопку звонка, прислушиваясь к прерывистой канареечной трели за высокой двустворчатой дверью. Открывать не торопились. Женщина в недоумении взглянула на часы с оторванным ремешком, которые извлекла из кармана промокшей куртки, облепленной тающим снегом.

«Неужели я добиралась так долго, что меня решили не дожидаться?»

Но она тут же убедилась, что потратила на дорогу всего полчаса, идя быстрым шагом от Китай-города, где располагалась ее мастерская, до переулка близ Петровки, где жил старый знакомый, коллекционер Эрдель. Его жена позвонила Александре сорок минут назад. Они говорили всего-то второй раз в жизни, а по телефону и вовсе впервые, Александра едва знала ее, но сразу подумала, что голос жены Эрделя звучит как-то необычно...

«Мне показалось, она вне себя. Путалась в простых фразах, задыхалась, всхлипывала. “Пожалуйста, скорее, он вас зовет!” Напугала меня, толком ничего не объяснила, сказала только, что созванивается со знакомыми врачами, готовится везти мужа в больницу. И чтобы я немедленно приезжала! Я все бросила, рванула в метель переулками на Петровку, поскользнулась, ушибла колено, едва не сломала ногу... И где они все?!»

За дверью царил торжественная тишина. Переведя дух, Александра оперлась плечом о стену и вытерла тыльной стороной ладони лоб, по которому с волос стекали капли талой снеговой воды. Вне всяких сомнений, обитатели квартиры уехали, не дождавшись ее.

«Но что с Эрделем? – Достав сигарету, Александра чиркнула зажигалкой. – У него слабое сердце, при этом курит и пьет кофе в свое удовольствие. Этой осенью сильно простудился... Скверная была осень, тяжелая. Может, осложнения? Супруга ничего не объяснила. Дело серьезное, раз так заторопились в больницу. Но почему он требовал, чтобы я приехала?! Именно я?!»

В самом деле, это было странно. Александра, художница, давно разуверившаяся в своем таланте, зарабатывала на жизнь, помимо реставрации картин, еще и перепродажей предметов искусства и разных старинных редкостей. Иногда она продавала что-нибудь Эрделю. Этим их контакты и заканчивались. Более того, пожилой коллекционер был настолько искушенным собирателем, что угодить ему было трудно. Он чаще отказывался приобрести вещь или книгу, чем соглашался выложить просимую Александрой сумму. Женщина поддерживала общение с ним вовсе не ради выгоды. Ей нравилось слушать рассказы Эрделя, всегда посвященные старине и всегда необычные. Он редко покупал, но охотно делился воспоминаниями, зачастую поистине бесценными, иногда загадочными.

Одна история, услышанная Александрой при последней встрече, всего неделю назад, не выходила у нее из головы. Женщина все хотела позвонить Эрделю и уточнить кое-какие детали, но не решалась. Коллекционер не любил, когда его беспокоили все. Художница решила дождаться удобного случая, обзавестись предложением – мало-мальски ценной книгой, которую можно будет показать Эрделю, и тогда уж расспросить его...

И вот все обернулось совершенно неожиданно. Эрдель, судя по всему, попал в больницу, не успев с ней познакомиться, хотя очень этого желал. «Обычно я просила о встрече, – припомнила женщина, пряча окурок в консервную банку, прикрученную проволокой к перилам лестницы. – И частенько у него не находилось для меня времени. Что с ним случилось?»

Она набрала номер домашнего телефона Эрделя, затем номер его мобильного. Никто не ответил. Подойдя к окну на площадке, обвела взглядом двор и тут же обнаружила старую черную «Волгу», машину коллекционера. «Ну понятно, он не смог бы сесть за руль. Увезли на “скорой”. Что он хотел мне передать?»

Ждать было нечего, супруга Эрделя могла и не вернуться сегодня домой, задержавшись в больнице с мужем. Кроме того, Александра собиралась на выставку, которую устраивали знакомые. Там ее обещали свести с человеком, которому она давно мечтала быть представленной. «Одна из лучших коллекций итальянской живописи в Москве! И он вроде кое-что намерен продать или поменять... Согласен со мной познакомиться. Лучше бы поторопиться, все равно тут делать нечего!»

Поколебавшись минуту, женщина решила оставить записку. Черкнув пару слов, тревожных и сочувственных, она принялась пристраивать клочок бумаги в щель между створками дверей. И тут обнаружила то, чего сперва не заметила.

Записка в двери уже была. Крошечная бумажка, оторванный уголок газетного листа. «Ее оставили мне?»

Александра кончиками пальцев извлекла записку и развернула сложенный вдвое серый газетный обрывок. Почерка Эрделя она никогда не видела, они не подписывали бумаг, совершая все сделки устно, доверяя друг другу на слово, как большинство коллекционеров и посредников. Да собственно, о почерке и говорить не приходилось, глядя на корявую строчку, выписанную вкривь и вкось печатными буквами. Казалось, слова нацарапал ребенок. «Даже запятую не поставил!» – машинально отметила женщина, перечитывая краткое послание. Оно адресовалось, безусловно, ей, и хотя было предельно понятным, его смысл до художницы как-то не доходил.

САША БЕГИТЕ ИЗ МОСКВЫ

Подписи не было. Это и еще отсутствие запятой превращало послание в аналог телеграммы, отправленной на последние деньги. Александра отчего-то принялась старательно припоминать, когда сама в последний раз сочиняла телеграмму, пользуясь этим ныне вымершим видом связи. Оказалось, давным-давно, в годы учебы, в Питере, в Академии художеств, а точнее, в Институте имени Репина. Писала родителям в Москву: «Ремесло сдала теория завтра здоровья скучаю». Лет пятнадцать назад. В прошлой жизни.

Опомнившись, женщина спрятала записку Эрделя в карман, а свою скатала в шарик и бросила в банку с окурками. Она вдруг передумала оставлять послание. Предупреждение, адресованное ей, смысла не имело. Александра была уверена, что не совершила ничего такого, из-за чего ей стоило бы убежать из родного города.

Врагов у нее водилось не больше, чем у любого обычного человека, да и не того они казались масштаба, чтобы от них бегать. И все же Эрдель, ставший жертвой загадочного скоропостижного приступа, едва удерживая ручку в непослушных пальцах, в последний момент перед отъездом в больницу пытался ее предупредить о некоей опасности...

Терзаемая неприятным и непонятным ощущением, Александра пошла вниз по лестнице, медленно отравляясь ядовитой смесью тревоги и недоумения. «Не “уезжайте” из Москвы, а именно “бегите”. Так, никак иначе! Он ведь серьезный человек, не стал бы шутить в таком дурацком роде. Он же знал, что я приму эти слова на веру. Так что мне делать?! В самом деле, бежать?!»

В более глупом положении она, наверное, еще не была никогда в жизни. Ей предлагали сделать категорически невозможное – слепо поверить чужим словам и выполнить указание, смысла которого она не понимала. Но предлагал человек, которого Александра безоговорочно уважала. Которому в данный момент нельзя было позвонить. Телефона его супруги художница не знала.

Все, что ей пришло в голову – навестить Эрделя в больнице и уж после разговора решать, паковать ли чемоданы. Сбитая с толку, озадаченная, женщина отправилась на выставку, которая должна была открыться через час. Медлить не приходилось.

Место, куда она спешила, официально не являлось выставочным залом. По всем документам то была обычная квартира, и никакой коммерческой деятельности в ней не велось. Это был шоу-рум от искусства, аналог нелегальных домашних бутиков, наводнивших Москву. Сюда приходили по рекомендации своих друзей или друзей своих друзей. Случайный человек на выставке был, таким образом, почти невозможен. Официально здесь ничего не покупали и не продавали. За даровое любовование предметами искусства налог не взимался, и регистрировать такую деятельность, как приносящую доход, не считалось нужным. На самом деле, здесь заключались сделки, порой крупные.

Владели этим нелегальным выставочным залом старые друзья художницы. То была колоритная троица, часто становившаяся предметом сплетен. Александра познакомилась с ними лет десять назад, еще будучи замужем за известным художником Иваном Корзухиным. Ее муж, «алкоголик и паразит, заедавший чужую жизнь», как неизменно титуловала покойного ныне зятя мама Александры, продал этим галеристам несколько своих старых картин, чудом откопанных под грудой пыльных холстов. Реставрировала и освежала картины Александра, она же, на правах супруги, вела переговоры с покупателями. Ивану нельзя было доверить ни того ни другого. Он уже никогда не бывал трезв, его руки так и плясали, кисти и шпатели выпрыгивали из одеревеневших пальцев, как живые. Он отдал бы свои старые работы за пару бутылок водки, между тем как «ранний Корзухин» ценился довольно высоко и охотно приобретался западными коллекционерами. До смерти ему оставалось два года, но многие в Москве давно считали его умершим. Александре тогда едва исполнилось тридцать. Ивану было чуть за сорок, но выглядел он шестидесятилетним. Никто не понимал, что побуждает молодую интересную женщину делить с ним нужду на нетопленном чердаке, служившем мастерской, терпеть его бесконечное пьянство, безделье, визиты таких же опустившихся дружков-гениев, и даже оплачивать из своих скромных гонораров реставратора стихийные попойки. Все поголовно задавали ей недоуменные вопросы, а ответить она не могла.

«И что я сказала бы своим доброжелателям? – думала Александра, делая пересадку в метро и с неудовольствием глядя на часы. К началу выставки она уже опаздывала. – Что люблю Ивана? Это бы все объяснило, но ведь любила я его какой-то месяц после свадьбы, не больше. Скоро мне стало ясно, что я влюбилась в картины, которых он уже не писал, в славу, которая существовала уже как-то отдельно от него. В его имя, в его прошлое, в талант, который, как мне почему-то казалось, еще не погиб. А на самом деле я жила не с прежним человеком, а с его оболочкой, с его остатком. Жалела я его, что ли? Было ясно, что проживет он недолго. Мы протянули пять лет... Я думала, получится меньше... Уже в последний год, когда я собрала вещи и решила от него уйти, он мне сказал: “Ты, Саша, тот последний гвоздь, на котором держится моя жизнь!” И что ему вдруг в голову взбрело такое сказать? Я осталась. Из великодушия или малодушия, уж не разберешь. И снова терпела его пьянки и слушала античный хор, распеваящий все ту же песню: “Что ты с ним вместе делаешь?!” Только Влад, Эрика и Настя не спрашивали меня об этом. Только эти трое. Может, потому мы и подружились...»

Влад, Эрика и Настя, те самые галеристы, к которым она сейчас спешила, жили втроем с давних времен, по воспоминаниям очевидцев – с ранней юности. Александре как-то рассказывали запутанную историю их союза. Темным сюжетом и сложными отношениями персонажей она напоминала исландскую сагу. Вкратце суть ее заключалась в том, что изначально в Москве по соседству жили две подруги – Настя и Эрика, а потом, неизвестно откуда, в их мирную жизнь вторгся провинциальный парень. Влад, по легенде, посватался к одной из девушек (никто не брался утверждать, к кому именно). Его предложение было отвергнуто. Ему бы скрыться с

горизонта, но события приобрели иной оборот. Вскоре все узнали, что трое молодых людей на паях сняли запущенную квартиру в центре, затем правдами и неправдами закрепились на этой площади, отремонтировали ее и открыли один из первых в Москве частных салонов, где перепродавали, выставляли и меняли все, что подпадало под определение «искусство» и обладало рыночной ценностью.

С тех пор они всегда держались вместе и только втроем принимали все решения. Осторожные попытки выяснить, с которой из девушек конкретно состоит в близких отношениях Влад и существуют ли такие отношения вообще, кончались провалом. Троица всем смеялась в лицо, отпускала на эту тему рискованные шутки и быстро прослыла шведской семьей.

Александра любила у них бывать и терпеть не могла сплетников, распространявших про ее друзей слухи, один другого диковинней. Ее зачастую осаждали расспросами, зная, что она с троицей накоротке. «Кто из них с кем? Влад с ними, с обеими? Или с Эрикой? Может, с Настей? Или Эрика с Настей, но тогда зачем им Влад? Ты хоть что-нибудь знаешь?» Художница неизменно отвечала: «Мне это неинтересно!» Разумеется, ей не верили, и уклончивые ответы заставляли сплетников думать, что она покрывает некую вопиющую и уж совсем неприглядную правду.

Дверь, украшенную маленькой белой табличкой со строгой надписью: «Прием по записи», открыла Эрика. Кивнув гостю, она заговорщицки шепнула:

– Все уже тут, но ТВОЕГО пока нет.

Это значило, что коллекционер, с которым обещали сегодня свести художницу, еще не приехал. Александра сразу упала духом. Машинально улыбаясь, она расцеловала Эрику в обе щеки, стараясь задержать дыхание. Сегодня от нее крепко пахло духами с резкой мускусной нотой.

Эрика всегда перебарщивала с парфюмом. Очень худая, смуглая, плоскогрудая, она могла походить на чахлого мальчишку, если бы не длинные черные кудри, спускавшиеся ниже пояса, и обузданные стальным обручем надо лбом. Лоб у Эрики был мужской – широкий, выпуклый, с высокими висками. Очки она тоже носила мужские – в тяжелых роговых оправах, старомодных фасонов, с толстыми линзами. Эрика, по общему мнению, была очень нехороша собой, с ее бесполой фигурой, желтой сухой кожей, неумением одеться и причесаться к лицу. Даже богатые волосы ее не украшали и смотрелись как-то мертвенно, будто наспех прилаженный парик. Обруч усугублял это впечатление, словно скрывая границу между настоящими волосами Эрики и накладкой.

– Не расстраивайся. – Хозяйка заметила настроение гостыи и ободряюще тронула ее за плечо. – Он придет обязательно. Еще бы он не приехал.

– Да я не потому, – встrepенулась Александра. – Ты ведь знаешь Эрделя?

– Евгения Игоревича? – Эрика сдвинула брови. – Только не говори, что он...

– Нет, он жив, но попал в больницу. Внезапно.

– А видишь, какая погода, – Эрика показала на окно. В стекло остервенело бились крупные хлопья мокрого снега. – У меня у самой сегодня голова дурная. А ему-то за шестьдесят! Полагается иметь проблемы с сердцем.

Продолжая рассуждать о зиме, которая никак не установится, она проводила гостью в длинный зал, некогда созданный из четырех комнат, шедших вдоль коридора анфиладой, по принципу многих старинных квартир.

Посетителей сегодня было до странности мало – вот что первым делом отметила Александра. Порой на таких выставках устроителям удавалось собрать до пятидесяти человек. Троица устраивала себе рекламу, не тратя на это ни гроша, просто рассылая письма людям, в заинтересованности которых у них не было сомнений. На этот раз простая система впервые дала сбой. Восемь человек – и это считая Александрой, присоединившуюся к гостям.

К ней уже направлялась Настя, полная розовощекая блондинка, чье миловидное лицо мгновенно исчезало из памяти любого человека, посмотревшего на нее. Александра даже после десяти лет знакомства затруднилась бы написать ее портрет по памяти. Некрасивая, почти уродливая, странная Эрика представлялась ей более интересной моделью.

– Вот и ты! – удовлетворенно произнесла Настя, взглянув на часы. – Осталось подождать нашего дорогого Степана Ильича. Влад его встречает внизу. Вы там пересеклись?

Александра отрицательно покачала головой, продолжая недоуменно разглядывать гостей, рассеянных по длинной зале, освещенной по случаю выставки до последнего уголка.

– Так мало народу? – вырвалось у нее. – Эрика сказала, все уже пришли...

– Пришли все, кого звали, – с таинственным видом подтвердила Эрика. – Сегодня особый случай. Заметь, что и картин немного.

В самом деле, большинство экспонатов, висевших на стенах и расставленных на постаментах, оказались накрыты чистыми простынями или большими кусками холста. В конце зала красовалось три мольберта с выставленными на них полотнами, которых Александра на таком расстоянии толком не разглядела.

– Всего три картины? – уточнила она.

– Иди, взгляни, – легонько подтолкнула ее в спину Настя. – А там и Степан Ильич подоспеет. Не понимаю только, как ты не встретила Влада?

– Саша всегда витает в облаках, – ответила за гостью Эрика и, фамильярно приобняв ее за талию, повела к выставленным картинам. По дороге она шептала, кивая то направо, то налево, называя гостей: – Сестер Маякиных ты знаешь, парочка кладбищенских крыс, но их нельзя было не позвать, с ними ссориться себе дороже. Эти трое из Питера. Знакомы тебе? Встречались как-то? Я заочно не раз контактировала, а вижу впервые. Их Настя выписала. Гаев из Риги. Гляди, кланяется тебе.

Гаев, эффектный мужчина лет пятидесяти, седой, как лунь, но с окладистой черной бородкой, любезно поклонился Александре, с которой несколько раз встречался на аукционах. Однажды она уступила ему саксонский сервиз редкостной красоты, сохранности и комплектности, и после этого Гаев, вероятно, считал себя в некотором долгу перед нею. Сама Александра, привыкшая к более чем жестким нравам в среде торговцев антиквариатом, ничьей благодарности не ждала и не слишком в нее верила. Гаеву она улыбнулась мимоходом. Хозяйка, отойдя вместе с нею чуть дальше, заговорщицки шепнула:

– У тебя с ним что-то?..

– С какой стати? – удивилась Александра.

– Интересный господин. И, по-моему, он ждал, что ты к нему подойдешь.

– Ой, брось, мне не до романов сейчас! – мотнула головой художница, не удержавшись, однако, и оглянувшись на Гаева. Тот не сводил с нее пристального взгляда. Глаза у него были голубые, неуютно холодные, похожие на кусочки льда.

– О нем стоит подумать, – настойчиво нашептывала Эрика, неожиданно обнаружившая повадки свахи. – Кажется, свободен. Делец, умница. Денег куча. Гражданство двойное, Латвии и Норвегии. Говорят, отец у него был норвежец, капитан рыболовецкого судна, а фамилия у Гаева по матери, потому что в официальном браке родители не состояли. В любом случае, неплохой вариант.

– Хватит, несмешная шутка, – отрезала Александра, стряхивая руку Эрики со своей талии.

– Да я не шутила, – без обиды ответила та. – А вон там, в углу, Ира с Арбата, стоит спиной, узнала? Думаю, вас не нужно представлять.

Александра действительно даже со спины узнала женщину, которая негромко разговаривала по телефону, и рада была тому, что не придется с нею немедленно здороваться. У нее как-то вышла серьезная стычка с этой владелицей антикварного салона на Арбате. Один клиент

Александры, часто отдававший ей картины на реставрацию, принес приобретенное в салоне Ирины полотно. Когда художница начала с ним работать, обнаружилось, что перед нею умелая подделка под начало девятнадцатого века. Вышел скандал, владелец фальшивки подал на упиравшуюся Ирину в суд. Свидетелем выступала Александра. Дело кончилось мировым соглашением, Ирина смирилась с заключением экспертов, забрала картину и выплатила компенсацию. Разумеется, после этого эпизода обе женщины не слишком стремились встречаться.

Ирина будто почувствовала взгляд художницы спиной. Она обернулась, и ее заметно передернуло. Александра слегка наклонила голову в знак приветствия. Владелица арбатского салона, чуть помедлив, так же кивнула в ответ. Приличия, во всяком случае, были соблюдены.

В следующий момент Александра забыла и о своих врагах, и о друзьях. Она разглядела наконец картины и остановилась, пораженная, спрашивая себя, как подобное мероприятие в центре Москвы обошлось без огласки, без журналистов, без участия авторитетных в среде собирателей лиц?

Все три картины, торжественно расставленные на мольбертах на фоне белой стены и подсвеченные маленькими прожекторами, были ей известны еще со времен учебы в Академии художеств. Александра не видела полотен воочию, но сейчас узнала их по фотографиям и репродукциям.

Когда-то, сдавая экзамены, она проклинала требования знаменитой и безжалостной к человеческим слабостям «Репинки». Ответив на вопросы билета, требовалось еще выдержать самое страшное испытание. Преподаватель показывал черно-белые снимки произведений искусства, числом до десяти, а студент должен был озвучить название картины, если речь шла о живописи, имя художника, год создания полотна, материал, где экспонируется. Наиболее дотошные студенты могли с точностью до сантиметра вспомнить размер шедевра. Александра как огня боялась этих блиц-допросов, во время которых у нее предательски слабела память. Обычно она описывала две фотографии из десяти, что считалось провалом. Но сейчас нужные сведения, как по команде, вынырнули из темного угла памяти и услужливо развернулись в голове – четкие, будто отпечатанные крупным шрифтом и освещенные ярким светом.

«Нет никаких сомнений! – Художница медленно переходила от одного мольберта к другому. – Вот это, слева, прелестный этюд Джованни Болдини, “Прачки”. Болдини делал к своим луврским «Прачкам» десятки этюдов, но я думала, что в России, в частном владении, нет ни одного. Справа, голову даю на отсечение, Томас Икинс, “Уличная сцена в Севилье”! Американская картина на подпольной выставке в Москве! Чья, откуда, где была приобретена?!» Но больше всего потрясла женщину центральная картина этой, уже более чем примечательной экспозиции. Александра не сомневалась, что перед нею Джованни Доменико Тьеполо, картина из числа его знаменитых маскарадных сценок, разбросанных по музеям всего мира, от Сиднея до Миннеаполиса, от Финляндии до Гонолулу. Этот венецианский мастер, сын знаменитого Джованни Баттиста Тьеполо, творца поражающих воображение фресок, одного из самых значимых фигур итальянского барокко, не был, возможно, столь же великим живописцем, как его отец. Но как яркий представитель той же позднебарочной тенденции ценился очень высоко.

– Невероятно, – проговорила женщина, вновь обретая дар речи и собравшись с мыслями. – Откуда все это?

Эрика не ответила. Обернувшись, Александра обнаружила, что та находится в другом конце зала, где что-то горячо обсуждает с Настей. Зато к художнице приближались сестры Маякины, которые удостоились от хозяйки салона нелестного наименования «кладбищенских крыс».

Собственно, этих двух дам неопределенного возраста трудно было назвать иначе. Они специализировались на том, что, по выражению той же Эрики, «обгладывали косточки в семейных склепах». Наследства забытые, внезапно открытые, состоящие под судом и спором – вот был их конек. Они никому никогда не платили настоящей цены за вещи и умудрялись поку-

пать за гроши то, что стоило на вес золота. Были известны и куда более ловкие комбинации, когда желанная добыча доставалась сестрам попросту даром. Они умело опутывали жертву, с невинным видом предлагая займы, мелкие и крупные, втираясь в доверие, входя во все мелочи, становясь чуть не членом семьи. Волей-неволей они заполучали все, чего добивались, оформляя свое вступление во владение ценностями самым законным образом. С ними пробовали судиться наследники стариков, которых Маякины «опекали» вплоть до гроба, – бесполезно. Эрика утверждала, что у сестер есть свое кладбище, и немаленькое. «Эти стервы спровадили на тот свет не один десяток людей, – говорила она, и ее обычно тусклые глаза с желтоватыми белками вдруг загорались тлеющим яростным огоньком. – Они настоящие убийцы. Запомни, Саша, не связывайся с ними, что бы они тебе ни предлагали. Это наверняка будет уголовщина. Они-то выкрутятся, у них везде все схвачено, а ты сядешь, если не ляжешь в могилу!»

Александра не до конца верила в подобную угрозу, но не сомневалась в том, что Маякины – дамы опасные. Сейчас, когда обе подошли к ней почти вплотную и тоже принялись изучать картины, художница украдкой рассматривала их.

Одного роста, с виду одного возраста, почти на одно лицо – их родство было очевидно с первого взгляда. Лет им могло быть как и слегка за сорок, так и сильно под шестьдесят. Внешность словно одна на двоих: встречая их порознь, художница часто не сразу понимала, видит она одну сестру или другую. Одинаковая тонкая белая кожа с едва заметными морщинками, светлые, коротко подстриженные волосы, узкие губы, нетронутые помадой, почти одинаковая, словно форменная, одежда – темные юбки ниже колена, туфли на низких каблуках, закрытые блузки с длинными рукавами. «Монашки! – шипела Эрика, узнавшая, что сестры исправно посещают церковь. – Богу молятся, а сами людей на тот свет отправляют!» Их звали Вера и Надежда. Знакомые, у которых репутация Маякиных не отбила охоту шутить, иногда спрашивали: «А где же Любовь? Ведь должна быть еще и Любовь?» И сестры неизменно смеялись в ответ, и тогда улыбка линяла на лице шутника. В этих скромных женщинах не было с виду ничего пугающего, но смеющиеся они шокировали. Александре как-то случилось перепродавать часы восемнадцатого века. Их украшала фигурка – скелет в обезьяньей маске. Когда часы били, фигурка начинала гримасничать, изображая смех. Нижняя челюсть выдвигалась вперед, демонстрируя ряд редко расставленных зубов. Сделав три резких выпада, челюсть задвигалась обратно, и обезьянья маска вновь обретала непроницаемое выражение. Маякины «веселились» точно с такой же механической приветливостью, ясно давая понять собеседнику, как он ошибся, вздумав с ними шутить.

– Саша, что думаете? – спросила Вера, склоняясь над центральной картиной.

– Впечатляет, – осторожно ответила Александра, предпочитавшая не распылять эмоций перед людьми, которым не доверяла.

– Даже слишком впечатляет, – откликнулась вторая сестра, пренебрежительно поводя плечами. – Уж во всяком случае, простым смертным не по зубам.

– Дорого, очень дорого, – вздохнула Вера.

– Разве они продаются? – не выдержала Александра, которая в принципе не собиралась завязывать разговор с сестрами. – Я думала, просто выставка.

Маякины переглянулись и продемонстрировали краткий приступ веселья. Художница, уже привыкшая к этому зловещему зрелищу, перенесла его спокойно.

– Конечно, продаются! – прошептала Надежда, оглядываясь, словно боясь, что ее подслушают. – Настя с Эрикой из кожи вон лезут, чтобы окрутить важную персону... Только и ждут Воронова, видите, места себе не находят!

– А он что-то не торопится! – также шепотом сообщила Вера. – Будет хорошенький фокус, если он не придет!

– Нас всех позвали только для антуража, – продолжала Надежда, и ее обычно невозмутимое лицо передернула легкая судорога. – Могли бы не стараться. Мы и не стремились сюда

попасть. Мы-то кое-что знаем про этих троих, которые еще имеют наглость распускать сплетни про порядочных людей!

– Ужас, что они о нас говорят! – поддержала ее сестра, испытующе оглядывая Александра. – Вас они уже просветили на наш счет? Нет? Удивительно. Всей Москве рассказали, а о вас забыли?

– Вы ведь с ними дружите? – ядовито осведомилась Надежда.

Александра, не ожидавшая такого нападения, смешалась, что-то пробормотала, но тут в дальнем конце зала послышался шум, и сестры, как по команде, обернулись туда.

– Ну вот, Влад его и притащил! – проговорила Надежда, и в ее голосе в равных долях были смешаны пренебрежение и зависть. – Этот тип у здешних барышень на положении лакея.

– Хуже, намного хуже, – шепнула Вера. Сестры и всегда-то разговаривали негромко, а сегодня, будто сговорившись, шептали. – Но мы же с тобой не из тех, кто обливает ближних помоями. Мы лучше промолчим.

– Да, если бы все умели вовремя помолчать, этот мир стал бы намного лучше! – поддакнула Вере Надежда.

Взявшись под руки, сестры двинулись навстречу важному гостю. Поколебавшись, Александра осталась возле полотен. Ей не хотелось лебезить перед «знаменитостью», и она рассудила, что сюда-то Воронов, во всяком случае, обязательно подойдет.

Издалека Степан Ильич выглядел очень солидно. Он напомнил Александре партийных функционеров из ее пионерского детства. Такие дядечки по праздникам приезжали в школу и говорили часовые никчемные речи в пищущий микрофон, пока директорша и военрук, стоявший у флага дружины, поедали высокого гостя преданными взглядами. Детям, выстроенным в каре и мечтающим только о том, чтобы рвануть домой, оставалось тоскливо разглядывать дядечку, в смысл речей которого никто даже не пытался вникнуть. Саша очень завидовала одной девочке из параллельного класса, которая так наловчилась изображать обморок, что ни на одной линейке не страдала дольше получаса. «Полчаса – это уж обязательно надо выстоять, – поучала артистка менее талантливых товарищей. – А то не поверят, что правда плохо стало. Потом все просто – глаза закатываешь, глубоко выдыхаешь и валишься на пол. Главное – колени сгибайте, ниже падать!»

На Степане Ильиче красовался дорогой коричневый костюм «с искрой», золотистый галстук, блестящие ботинки, в которых он по снежной слякоти явно не ступал. Лицо широкое, серое, цвета вареной говядины. Рядом отирался Влад. Прежде Александра не задумывалась о том, что представляет из себя этот мужчина, самый молодой из скандальной троицы. Ему едва исполнилось тридцать, тогда как Эрика и Настя недавно совместно отпраздновали тридцатипятилетие. Сейчас, после реплики одной из сестер Маякиных, Александре вдруг стало ясно, что она и сама всегда считала этого холеного мужчину чем-то вроде лакея.

«Он и в самом деле слишком какой-то услужливый, покладистый, – размышляла она, следя за тем, как Степан Ильич, сопровождаемый хозяевами, направляется к выставленным картинам, прямо к ней. – Никогда не слышала, чтобы он спорил с Настей или с Эрикой. У него будто и характера собственного нет. И его постоянно посылают с какими-то поручениями. Встретить, проводить, сбежать в магазин... Не то он слуга, не то просто приживальщик... Или любовник на содержании, сестрички явно намекали на это».

Александра не считала себя ханжой и всегда терпимо относилась к чужим страстям, если от них не отдавало уголовщиной. Она полагала, что если ее старым знакомым отчего-то нравится жить втроем, почему бы не оставить их в покое. «Я вот живу одна после смерти мужа который год, и меня тоже все атакуют вопросами, отчего да как... Общественное мнение нетерпимо, многое вызывает злобу, раздражение, дает повод для грязных шуток. Но если Влада содержат, отводя ему роль альфонса и лакея, тогда это правда отвратительно!»

Издали Степан Ильич выглядел довольно еще свежим мужчиной лет шестидесяти. Вблизи показалось, что ему, по крайней мере, лет на десять больше. К тому же он был не на шутку простужен, едва говорил, то и дело начиная задыхаться. Под потускневшими глазами были темные круги, как у человека, не спавшего несколько суток. Полные щеки обвисли, как и углы крупного рта. Степан Ильич то и дело натужно вдыхал воздух, делая при этом судорожные движения пальцами, будто пытался таким образом добыть недостающий ему кислород. В его груди раздавался угрожающий клекот.

– Вот это и есть ваш хваленый Тьеполо? – выговорил он, указывая на центральную картину, собрался добавить еще что-то, но зашелся в таком жестком приступе кашля, что не мог отдышаться несколько минут.

Все молча ждали, когда гость снова будет в состоянии говорить. Степан Ильич собрался с силами, но вид у него был жалкий. Александра боялась, как бы он не упал в обморок. Она видела, что мужчина очень болен, с трудом перемагается. Влад поддерживал гостя под локоть, и с каждой секундой это давалось ему все с большим напряжением. Эрика и Настя выглядели испуганными. Они явно не ожидали такого оборота событий.

– Посмотрим... – с натугой произнес Степан Ильич, наклоняясь к мольберту. – Поглядим, что тут у вас за Тьеполо...

Он не упал прямо на картину только потому, что Влад, уже с натугой подпирающий его сбоку, был начеку и успел рвануть грузное тело потерявшего сознание человека назад. Степан Ильич рухнул навзничь, громко ударившись затылком о паркетный пол. Раздались взбудораженные возгласы, женщина, приехавшая из Питера, издала горловой звук, до жути напоминавший крик выпи. Эрика и Настя хлопотали над неподвижным телом, толкая друг друга локтями, страшным шепотом подавая друг другу советы, но в целом ничего толкового не делая. Сестры Маякины невозмутимо наблюдали за происходящим, не выказывая намерения помочь, и Александра готова была поклясться, что на их лицах застыли злорадные, едва наметившиеся улыбки.

Гаев, сперва державшийся в стороне, первым заметил, что от действий двух перепуганных женщин, пытавшихся привести в чувство Степана Ильича, нет никакого проку.

– Надо вызвать «скорую», – решительно сказал он. – Он задохнется, если вообще еще дышит!

Сразу несколько человек разом принялись звонить в «скорую», как будто впервые осознав такую необходимость. Александра поддалась общей панике и вынула из сумки телефон, но тут же сунула его обратно. «Какой смысл? – подумала она, отходя от распростертого тела на несколько шагов. – Сейчас врач приедет, но успеет ли он?»

Женщина с сердечным содроганием наблюдала за тем, как лицо лежавшего на полу человека приобретает белесый оттенок. Он стал безжизненно бледен. Однако мужчина был жив, его веки слабо трепетали.

– В таком состоянии надо лежать в больнице, а не ездить по выставкам, – высказалась Вера, отступая дальше от тела и сопровождая свои слова выразительным жестом. – Мало ли чем он болен? Сейчас сезон гриппа. Мы все можем заразиться.

– Я уверена, что у него азиатский грипп! – подхватила Надежда, доставая из сумки платок и прижимая его ко рту. Уже сквозь ткань она глухо добавила: – В Москве эпидемия, неужели не слышали? Вера, едем домой! Спасибо за приглашение, угостили зрелищем, нечего сказать!

– Можете ехать, никто вас не держит! – не выдержала Эрика, только что закончившая телефонные переговоры со станцией скорой помощи. Она кипела, как человек, получивший неожиданный удар и желающий на ком-нибудь сорвать досаду. – Что вы за люди такие, есть в вас хоть капля порядочности?! Человек чуть дышит, а вы только о своих шкурах беспокоитесь!

– Как любезно! – ледяным тоном ответила Вера. – Хотя, чего и ждать в борделе.

Эрика явно собиралась вступить в перепалку, но Настя с испуганным лицом дернула ее за рукав свитера:

– Брось, послушай лучше, он что-то пытается сказать!

Все разом обернулись к Степану Ильичу и обнаружили, что тот в самом деле открыл глаза и обводил присутствующих помутневшим взглядом, будто искал кого-то. Его рот открывался и закрывался, слышались сильные, сдавленные звуки, среди которых можно было, однако, различить слова. Над едва дышавшим человеком сомкнулось кольцо склоненных голов.

– Суфлер... – отчетливо расслышала Александра. Она стояла чуть поодаль, но слово ясно донесло до нее и несказанно удивило. В нем не было никакой связи с происходящим.

– Как он говорит? – взбудоражено спрашивал Влад, пытаясь протиснуться ближе и толкая своих друзей. – Что он просит? Суфле?!

Степан Ильич взглянул на него неожиданно прояснившимся взглядом, в котором читалась лютая ненависть, раздражение вспыльчивого человека, однажды привыкшего, что его понимают с полуслова, и не встречающего больше такого понимания. Серое лицо мужчины исказилось, из скривившихся губ рывками вылетело:

– Кар-ти-на...

– Тьеполо? – обрадовалась Настя. – Тьеполо ваш, все ваше, если захотите, обсудим позже, после доктора. Доктор сейчас приедет, сию минуту!

Сестры Маякины, опасливо топтавшиеся у двери, но никак не решавшиеся уйти, вновь подошли ближе. Их лица были одинаково непроницаемы, из чего наблюдавшая за ними Александра сделала вывод, что происходит нечто, очень интересующее «кладбищенских крыс».

– Если желаете, отвезем Тьеполо вам на дом. – Эрика, не терпевшая отлагательства, решила взять быка за рога. – Сегодня же. Расчеты потом.

Степан Ильич закрыл глаза и вновь открыл их. В его взгляде отразилась яростная мука, скорбное бессилие. Он сделал попытку снова заговорить, но задохнулся так жестоко, что его массивное тело судорожно передернулось.

– А ведь это агония, – прошептала за спиной у Александры одна из сестер Маякиных. Художница не оборачивалась, так что не поняла, какая именно.

Она не сводила глаз с умирающего. То, что именитый посетитель выставки умирает, уже становилось ясно и ей. Питерские гости молча переглядывались. На их лицах читалась та же мрачная мысль, и они без слов спрашивали друг у друга ее подтверждения. Гаев, скрестив руки на груди, стоял с постным видом нотариуса, явившегося к безнадежному больному узаконить его последнюю волю. Влад перестал суетиться и притих, в свою очередь догадавшись о сути происходящего. Только хозяйки салона, обычно такие чуткие, не замечали, как угрожающе изменился лежавший на полу человек. Они наперебой говорили, обращаясь то к нему, то друг к другу:

– Ни о чем не беспокойтесь, мы никому и не предлагали картины, дожидались только вас! Правда, Эрика? – тараторила Настя.

– Конечно! – с жаром подтверждала ее подруга, сверкая очками, криво сидящими на переносице. – Мы на аферы не пускаемся, это не в наших правилах!

– Сейчас же упакуем картину и отправим к вам Влада.

Неизвестно, слышал ли их Степан Ильич. Казалось, его оставили последние силы. Поэтому, когда он вдруг резко выбросил вверх руку, указывая на Александру, все отшатнулись. Рука тут же упала, в расширенных глазах мужчины читался вопрос.

– Да, да, – радостно подтвердила Настя, явно решившая, что научилась читать мысли умирающего. – Это и есть та самая женщина, с которой я вас хотела сегодня познакомить. Момент, конечно, не лучший, но все же... Александра Корзухина-Мордвинова, быть может, вам случалось слышать ее имя. Ей вы можете, безусловно, доверить вашего Тьеполо, ведь, что скрывать, картина нуждается в реставрации.

– Она последние сто восемьдесят лет висела в венецианском палаццо, где все фрески и зеркала погибли от сырости, – поддакнула Эрика. – И хотя Тьеполо висел на третьем этаже, в спальне хозяина, где посуше, он также пострадал.

Теперь Александра была готова присягнуть, что Степан Ильич даже не делал попытки вслушаться в любезную болтовню хозяек. Мужчина пристально смотрел на нее, будто сию секунду что-то прочитав в ее взгляде. Его пересохшие губы слегка раздвинулись, обнажая ровные, идеально белые вставные зубы. Александра не верила своим глазам: умирающий, глядя на нее, смеялся!

Внезапно его тело скрутила новая судорога, куда сильнее предыдущей. Голова часто забилась о паркет. Эрика и Настя вскочили, инстинктивно отпрянув к Владу. Питерские гости сочли за благо отойти в сторону, глядя на агонию с отвращением и состраданием. Александра дрожала, ее позвоночник будто прошивали электрические разряды. Только сестры Маякины и Гаев держались невозмутимо.

Когда спустя несколько минут в зале появился врач «скорой помощи», измерил вытянувшегося неподвижному телу давление, выслушал сердце и констатировал смерть, именно эти трое рассказывали ему, как все произошло. Все остальные оказались слишком подавлены и напуганы.

Александра вообще не могла говорить. Она молча пожала руки своим друзьям, молча кивнула тем, с кем была знакома, и наконец ушла, жалея о том, что не сделала этого раньше, и о том, что вообще сюда приехала. «Он смеялся, глядя прямо на меня! Прямо на меня! Как будто в мой адрес!»

Женщина твердила себе, что несчастный наверняка слабо осознавал, где и среди кого находится, что ужасные приступы удушья, сопровождавшиеся судорогами, могли затемнить его сознание, и безумный смех, в котором слышалось нечто злорадное, – лишь плод галлюцинаций умирающего мозга. «Бормотал же он чепуху перед смертью! “Суфлер”! Картина Тьеполо называется вовсе не “Суфлер”! Там и не театр вовсе изображен, а маскарад на Каналь Гранде в Венеции! Так и называется: “Каналь Гранде”! Внизу красными буквами написано!»

Но сколько она ни утешала себя, успокоиться не могла. Александра была настолько выбита из колеи, что забыла о попавшем в больницу Эрделе. И вспомнила о нем, только выйдя на улицу и сунув руку в карман куртки, нащупывая зажигалку. Вместе с зажигалкой она извлекла записку коллекционера.

САША БЕГИТЕ ИЗ МОСКВЫ

Перечитав это краткое послание, Александра внезапно поняла, что именно этого ей сейчас хочется больше всего – сбежать из города куда угодно, лучше как можно дальше. Но сделать это было невозможно по многим причинам: невыполненные обязательства перед людьми, у которых она взяла вещи на реализацию и картины на реставрацию, обещание провести новогодние праздники с родителями («В кои-то веки!» – упрекала ее мать). Кроме того, к ней вот-вот должна была нагрянуть из Киева старая подруга, пятнадцать лет не бывавшая в Москве. Точной даты Александра не знала, потому что не знала ее и сама гостя. Все исключало отъезд.

Художница швырнула окурок в снежную кашу на тротуаре, спрятала записку обратно в карман, надвинула на лоб капюшон. Снег перестал, но поднялся сильный холодный ветер, обжигавший лицо и заставлявший щуриться. Женщина пошла вверх по переулку, придерживая поднятый воротник куртки возле горла. Шарф она, как назло, забыла. Александра глубоко задумалась, переосмысливая происшествие в салоне, и не сразу услышала, как ее окликают.

– Пойдите! Послушайте!

Запыхавшийся мужской голос повторил это несколько раз, и Александра поняла наконец, что обращаются именно к ней. Овернувшись, она увидела в двух шагах от себя Гаева. Тот, тяжело дыша, остановился.

– Как вы бежали! Я еле догнал!

– Бежала? – удивленно переспросила женщина. – Я задумалась. Там... все кончено?

– Как будто. – Гаев махнул рукой, показывая, что тема ему неприятна. – У меня, знаете, предложение – давайте поужинаем? Я все хочу вас пригласить, начиная с того аукциона, где вы мне сервис уступили, помните? И никак не могу вас поймать. Вы прямо неуловимы! И мне никто не хочет говорить, где вы живете!

Александра засмеялась, польщенная тем, что этот интересный холеный мужчина, всегда такой элегантный, непохожий на большинство ее знакомых, оборванных обитателей запущенных мастерских, искал встречи с ней.

– Дело в том, что у меня нет точного адреса, – с улыбкой ответила она. – Сама не знаю номера квартиры, да и не квартира это вовсе. Те, кто знает, на каком жутком чердаке я обитаю, наверное, не решались вас туда послать. Да вы бы вернулись с половины лестницы!

– Это почему? – живо заинтересовался Гаев, также повеселевший.

– Из-за крыс. Там бегают полчища крыс.

– О! – Мужчина пожал плечами. – Я совсем не такой сноб и чистюля, каким меня все тут почему-то считают. И крыс я не боюсь. Даже кладбищенских, тех, что ходят на двух ногах.

Последние слова он произнес, особенно выделив интонацией, и Александра поняла, что Гаев намекал на сестер Маякиных. Это окончательно подняло ей настроение.

– Что ж, идея с ужином мне нравится, – заявила она. – Пусть сегодня напоследок произойдет хоть что-то хорошее. Бывает же так, что весь день случаются одни неприятности.

– Бывает, что они случаются и дольше, – подхватил Гаев, галантно беря ее под руку. – Бывает, что намного дольше.

Глава 2

Они впервые общались так накоротке. Гаев привел Александру не в кафе, где перекусывают наспех, запивая бесконечные разговоры пивом или кофе, а в ресторан, очень маленький и очень дорогой. Взглянув в меню, женщина с улыбкой его закрыла:

– Я не гурман, а в винах тем более не разбираюсь. Выбирайте сами.

И Гаев долго выбирал, вполголоса переговаривался с официантом, озабоченно сдвигал брови, недовольно оттопыривал губы, просил принести и показать серую от пыли бутылку вина из погреба – словом, вел себя так, словно решал крайне важный вопрос. Александра развлекалась тем, что рассматривала маленький зал с низкими потолками, выдержанный в молочно-белых и шоколадно-коричневых тонах. Кроме них, посетителей не было, несмотря на ресторанный «час пик».

Когда официант принял заказ и удалился с довольным видом человека, знающего интересный секрет, Александра, улыбаясь, спросила своего спутника:

– Вы женаты?

– Был женат, – мгновенно ответил Гаев, ничуть не удивившись вопросу. – Давно разведен. А позвольте узнать, почему вы спросили?

– Вы так долго думали над меню, так тщательно выбирали, сомневались... Я вдруг подумала, как же вы жену выбирали, если она у вас есть?

Мужчина деликатно улыбнулся, показывая, что оценил шутку:

– Если бы я с таким же знанием дела выбирал супругу, то не развелся бы никогда, наверное. Но... Я не ошибаюсь только в мелочах.

– Делать крупные ошибки тоже надо уметь, – ободряюще произнесла Александра. – Не всем дано. Да и потом, без неудач скучно было бы жить.

– Вы говорите как счастливый человек. – Гаев не сводил с художницы изучающего взгляда. – Или как очень скрытный. Что вы скрываете, Александра?

Женщина, искренне удивленная, покачала головой:

– От вас – ничего. А потом, почему вы исключаете возможность, что я счастлива?

Ее собеседник, явно не желая вдаваться в объяснения, отмахнулся:

– Ну да, все мы счастливы, конечно. А вот скажите-ка, как вы оказались на этой несчастной выставке?

– Так же как и вы. – Художница, уже всерьез озадаченная, перестала улыбаться. – Мне прислали приглашение.

– Нет, не так же, как я. – Тон Гаева перестал быть любезным, он заговорил сухо, почти заносчиво: – Я-то предоставил картину для экспозиции и, скажем, ознакомления. Икинса.

– Это вы привезли Икинса?! – обрадовано воскликнула Александра. – А я все думаю, откуда он взялся! Встретить его в Америке, в Европе – куда ни шло, но здесь им интересуются единицы!

– Я привез его из Риги, – с прежней неприятной претензией заявил антиквар.

– Ах, ну да, Латвия – это ведь Европа!

Александра вымолвила эти слова автоматически, не думая издеваться, да, в общем, почти и не обдумывая их. В следующий момент она поняла, что могла обидеть собеседника. Но Гаев неожиданно рассмеялся, разом утратив свои высокомерные замашки:

– Ох, не говорите, да не просто Европа, а в квадрате, в кубе! – И доверительно присовокупил: – Кстати, я вовсе не латыш.

– А как с норвежским папой? – подстраиваясь под его шутливый тон, спросила Александра, довольная, что натянутая ситуация разрешилась смехом.

– Никак. – Гаев еще больше развеселился. – Чего только люди ни выдумают. Решили, что он был капитаном. Он был инженером и за границу ни разу не выезжал. Норвежское гражданство мне досталось кривыми путями – через жену-норвежку. Ту самую, с которой мы развелись. Она живет в Америке...

– Ну вот, а говорите, я что-то скрываю! – Александра откинулась на спинку стула, чтобы не мешать подошедшему официанту расставлять закуски. – Вы сами сплошная тайна! Можно это рассказывать знакомым или нет?

– А если я скажу «нет», будто бы не расскажете? – недоверчиво спросил мужчина.

– Разумеется, не расскажу. Я умею держать обещания... и хранить тайны.

Александра шутила, но, когда официант, скрывший от нее на минуту лицо спутника, выпрямился и отошел от столика, она увидела, что Гаев сидит с крайне задумчивым видом. Опомившись, он предложил выпить за встречу, но вино, которое так долго выбирал, едва пригубил и ел нехотя, вяло дотрагиваясь вилкой до листьев салата. Его явно терзали назойливые мысли. Мужчина то и дело вопросительно смотрел на даму, но заговорить не пытался.

Художница ела с удовольствием, решив не забивать себе голову странностями в поведении человека, не поскупившегося для нее на роскошный ужин. Александру порою угощали люди, довольные приобретениями, сделанными с ее помощью, но это были скорее деловые застолья, в них не содержалось личного интереса друг к другу. А Гаев был ей интересен. «Да и я его, кажется, очень почему-то интересую. – Александра изредка бросала на мужчину осторожные взгляды, убеждаясь, что он по-прежнему витает в облаках. – На что это он намекал с выставкой? Почему бы мне там не оказаться, ведь я бываю на всех подобных мероприятиях?»

Гаев будто услышал ее мысли. Внезапно очнувшись, он негромко произнес:

– Вы, наверное, удивляетесь, почему я сижу сам не свой, странные вопросы задаю... А я вот обдумываю, говорите вы мне правду или лжете?

– Я говорю правду, – немедленно ответила Александра.

– Но если бы вы лгали, то ответили бы точно так же, – парировал Гаев. – Помните старую логическую задачу о деревне лжецов и деревне правдолюбивых? Они все говорили путешественнику одно и то же. Он вывел их на чистую воду, задавая проверочный вопрос, с логическим допущением.

– Ну так задайте проверочный вопрос! – Художница чувствовала себя заинтригованной.

– Что ж... – Мужчина не сводил с нее глаз, одновременно прозрачных и непроницаемых. – Их будет несколько. Вы пришли на эту выставку, зная о том, что именно будет там экспонироваться?

– Нет, – чистосердечно ответила Александра. – Я была потрясена, увидев рядом Тьеполо, Болдини и вашего Икинса. Три таких редких шедевра! И каждый из очень известной серии! И такой нетипичный выбор для Москвы!

– Хорошо, другой вопрос. Вам был известен список приглашенных?

– Опять же, понятия не имела. Была удивлена, что почти никого нет.

– А мне вот показалось, что народу явилось куда больше, чем требуется, – будто про себя произнес антиквар. – И это трагическое происшествие, которым все кончилось, действительно, стало для вас неожиданностью?

Сперва женщина не осознала полностью смысла его слов, но когда вдумалась в них, положила вилку. Аппетит разом пропал, еда приобрела вкус жеваной бумаги.

– А для вас этот исход был ожидаемым? – с запинкой выговорила она.

– Скажите еще, что я причастен к этой нелепой смерти, – фыркнул Гаев. – Не о том речь. Но что-то должно было пойти не по привычному сценарию.

– Должно? – недоумевала художница.

– Вы не понимаете?... – Мужчина пристально изучал ее лицо. – Я склоняюсь к мысли, что вы единственная из посетителей выставки не имели понятия об ее истинном смысле.

– Объяснитесь, – потребовала Александра. Она ощущала легкий озноб вдоль позвоночника. – Я не участвую ни в каких подозрительных проектах. Вам бы надо это знать.

– Не надо обижаться. – Теперь Гаев улыбался, участливо, с нескрываемой снисходительностью. – Ваша незапятнанная репутация мне известна. Как и всем остальным... Да, наверное, в этом и был замысел устроителей.

– Вы будете говорить прямо или продолжим играть в эту дрянную логическую игру?! – не выдержав, вспыхнула женщина. – Час назад на моих глазах умер человек, умер в страшных мучениях. Но при этом в последнюю минуту своей жизни он смеялся! Смеялся, глядя на меня, мне в глаза! Как это объяснить?! Может, вам и это известно, раз уж вы так прекрасно обо всем осведомлены?!

В другом углу маленького зала бесшумно возник официант. Он с самым безразличным видом начал сервировать к ужину стол на восемь персон. Гаев сделал знак говорить тише, указав глазами в сторону официанта. Александра замолчала, приложив ледяные ладони к разгоревшимся щекам.

– Я наблюдал, как этот бедняга смеялся, – очень тихо сказал мужчина, выдержав паузу, чтобы дать художнице успокоиться. – Смеялся, глядя на вас. Ничего более жуткого давно не видел. Я имею в виду, не видел наяву. Все мы, копатели прошлого, легко встречаемся с отмершими и воображаемыми ужасами, но теряемся, когда нас сталкивают с реальным кошмаром. Я ведь потому и догнал вас, Александра, что хотел расспросить об этой истории. Я думал, вы знаете больше меня... Оказалось, вам совершенно ничего неизвестно. – И выдержав еще одну паузу, добавил: – Это меня пугает.

– А меня вы пугаете, – отрывисто ответила женщина, стараясь говорить тихо, чтобы не привлекать внимания официанта. – Говорите же, что знаете. Пусть это будет мало, но хоть что-то. При чем тут моя безупречная репутация?

Она ожидала очередного уклончивого ответа, игры в прятки, но Гаев ответил прямо:

– Степан Ильич знал о вашей честности не меньше остальных, вот почему вас позвали.

– Разве он и без того не доверял устроителям выставки? Зачем тогда пришел?

– Вряд ли он вообще кому-то доверял в своей жизни... – вздохнул Гаев. – И правильно делал, к слову. Был осторожен, предусмотрителен до омерзения... Но видите, это его не спасло.

– Не понимаю, – прошептала Александра, глядя на собеседника округлившимися глазами. – От чего же он мог спастись с такой запущенной пневмонией или астмой, с таким слабым сердцем... Я не знаю, от чего конкретно он умер, но помню, что поразились, как человек в таком ужасном состоянии еще потащился на выставку?

– Степан Ильич никогда ничем не болел до последнего времени, – отчеканил Гаев. – Я был поражен его видом сегодня. Поражен до глубины души. И как все очень здоровые люди, не привыкшие валяться по постелям и больницам, он, конечно, поехал на выставку. Это его доконало... Правда, я не уверен, что если бы он поехал в больницу, его бы там вылечили.

– Вы что-то знаете, так скажите прямо! – взмолилась Александра. – Что от него скрывали? Кто скрывал? Какой подвох был на выставке? Почему вы ждали какого-то скверного происшествия и зачем устроителям понадобилась я, если уж вам известна другая причина, помимо той, которую они мне озвучили? Я шла туда как гость, эксперт и, возможно, реставратор, которого захочет нанять Степан Ильич. А на самом деле в каком качестве я была приглашена?

Приблизился официант, кативший сервировочный столик, где под серебряными крышками томились горячие блюда. Александра замолчала, на этот раз не дожидаясь предупреждающего знака Гаева. Пока меняли тарелки, ее спутник, откинувшись на спинку стула, покусывал сустав согнутого указательного пальца, измеряя женщину изучающим взглядом. «Он по-прежнему не верит мне, ничуть! – поняла художница. – Считает, что я прикидываюсь дурочкой.

У него вид человека, которого пытаются надуть и который видит все махинации насквозь!» Наполнив бокалы, официант удалился. Гаев, не сводя с Александры глаз, поднял свой бокал:

– Что ж, помянем...

Она молча последовала его примеру, но поперхнулась красным вином, услышав окончание фразы, камнем упавшее в тишину:

– Убиенного.

Торопливо поставив бокал на скатерть, женщина зажала рот салфеткой. Откашлявшись, она севшим голосом проговорила:

– Вот это слово вы мне точно должны объяснить.

– При чем тут «должен», – качнул головой Гаев. – Я объясню вам ситуацию просто из человеческого участия. Из сочувствия, можно сказать. Я все-таки прихожу к выводу, что вы ровным счетом ничего не знаете, а значит, можете стать кое для кого легкой добычей.

Примерно месяц назад, когда антиквар проездом был в Москве, ему неожиданно позвонила Эрика. Неожиданно – пояснил Гаев – потому что своего мобильного номера он никому из троицы не давал.

– Я вообще не люблю, когда мне звонит человек, получивший мой телефон из неизвестного источника...

Но да уж ладно, Эрика единственная из них, кто не вызывает у меня отвращения. Анастасия – дура, ей все равно, чем торговать, хоть бы хохломой на Арбате. Этот их паренек без определенных занятий – болван, пустое место, типичный альфонс. Не знаете, почему такие нравятся женщинам?

– Не смогу ответить, потому что мне он не нравится, – Александра взяла вилку и тут же положила ее. – А откуда Эрика узнала ваш номер, знаю. Помните, на том аукционе, где мы торговались за один сервиз, вы дали мне свою визитку? Эрика встретила меня где-то в конце августа-начале сентября, и спросила, не знаю ли я случайно как с вами связаться. Ну, я и услужила старой знакомой... Не надо было?

– Значит, все началось куда раньше, чем я думаю. – Гаев встревожено подался вперед. – Собственно, я это подозревал...

...Эрика вела себя загадочно. Извинившись за неожиданный звонок, она принялась настойчиво просить о встрече. Объяснить, в чем дело, по телефону женщина отказывалась наотрез.

– Она говорила так странно, что у меня даже родилось подозрение, что я ей нравлюсь и она хочет выманить меня на свидание, – признался антиквар. – Понятно, я настаивал, чтобы она сказала прямо, что ей нужно. Совсем не улыбалось потерять вечер с женщиной, которая мне совсем не по вкусу. Но Эрика так и не сдалась. Она лишь сказала, что дело очень важное, секретное и обсуждать его по телефону невозможно. В результате я предложил ей приехать в гостиницу, где остановился. Сказал, что располагаю всего несколькими минутами, чтобы выпить с ней чашку кофе. Словом, был почти груб и не очень старался, чтобы наша встреча состоялась. Но Эрика так обрадовалась, будто я ей сделал роскошное предложение. Она принеслась точно в назначенное время. Не хотела, правда, идти в кафе, просила подняться в номер. Но этого как раз не желал я. Так что интимного разговора не вышло, иначе... – Гаев сдвинул брови. – Иначе, возможно, она сказала бы мне тогда больше, чем сумела или захотела, и события пошли бы другим путем. Но Бог все устраивает по-своему. И не всегда лучшим образом для нас, грешных!

Странное это было свидание. Эрика, и обычно-то довольно дерганная, сидела за столиком как на иголках, и как только кто-то появлялся в дверях гостиничного кафе, менялась в лице. Гаев пошутил, спросив, не следит ли за ней ревнивый поклонник? Он не думал заигры-

вать, хотел лишь разрядить атмосферу, но Эрика резко оборвала его, сказав, что не расположена шутить.

– Я спросил тогда, что ей нужно, зачем она правдами и неправдами раздобыла мой телефон и оторвала от дела? Честно говоря, я просто хотел в тот вечер выспаться после перелета через Атлантику. Не могу толком спать в самолетах, кошмары снятся. Она мне ответила, что есть возможность заработать кучу денег. И тут я страшно рассердился, потому что обращаться ко мне с подобным разговором давно уже никто себе не позволяет. Я себе на старость давно заработал. А тут эта ненормальная дамочка...

– Эрика абсолютно нормальна, – возразила Александра. – И насчет денег никогда зря не обещает.

– Но мне плевать и на ее вменяемость и на ее деньги! – раздраженно заявил Гаев. – Прошли те времена, когда я жертвовал сном ради заработка.

...Он не прервал встречи и не ушел сразу по неизвестной ему самой причине. Может быть, в этом были повинны глаза Эрики за толстыми линзами ее уродливых очков.

– В ее взгляде читалась такая мольба, невероятно! Никогда ни одна женщина на меня так не смотрела. И еще мне показалось, что в ее глазах был страх. И я остался... Человек слаб и любопытен.

...Голосом, часто срывавшимся на нервный шепот, Эрика сделала предложение, и Гаев вынужден был признать, что оно в такой же степени выгодное, сколь и необычное.

– Она спросила, какая самая редкая, неординарная картина в моей коллекции? Не самая ценная, а самая редкая, вот так-то! Этим она меня остановила. А я уж собирался просить счет и откланяться. Сыт я был по горло и ее сумасшедшим видом, и скверным кофе. У вас в Москве кофе варить не умеют. Редкая картина... Самая редкая? Поневоле задумаешься.

...Антиквар раздумывал над ответом недолго. Он не так давно сделал самое диковинное и неожиданное приобретение в своей жизни.

– Моя бывшая жена и сын давно живут в Америке. Я бываю там пару раз в год, уж точно на Рождество и на Четвертое июля. Не подумайте, что я праздную там День независимости, просто у сына день рождения, а это для меня святая дата.

Когда Гаев заговорил о сыне, его холодные глаза подернулись влажной сентиментальной дымкой.

– И вот, когда я этим летом был у Матвея в гостях (он уж сам женатый человек, к слову, двое деток имеется), к ним на праздник зашел родственник его супруги. А она, замечу вам, сто процентов американка, «wasр», как говорят, то есть белая англосаксонская протестантка. Семья уж лет четыреста живет на этом богоспасаемом континенте, в Филадельфии. Соответственно барахла и семейных преданий накопилось достаточно. И вот является ее двоюродный дядя – неприятный тип... Впервые за столько лет его видел, где-то они его прятали. Такого лучше пореже показывать родственникам.

Двоюродный дядя (впрочем, Гаев неточно запомнил степень родства) вел себя на празднике в честь Дня независимости и дня рождения Гаева-младшего как настоящий хулиган. Явился уже навеселе, сделал дамам ряд сомнительных комплиментов, раньше времени поджег фейерверк и опрокинул пиво в барбекю. Краснолицый старик с хриплым голосом и распушенными манерами искренне веселился сам и своей непосредственностью мешал веселиться другим. Гаев-старший ему, однако, неизвестно по каким причинам, пришелся по вкусу, и он пригласил его к себе домой после праздника, посмотреть «одну картинку», как он выразился.

– Картина ему, по его словам, досталась от бабки. Бабка была художницей. Училась в Филадельфийский лиге студентов, изучающих искусство, у самого Томаса Икинса, после того как его в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году вышибли с поста ректора Пенсильванской академии изящных искусств за то, что он поставил в классе перед студентами и студентками натурщика без фигового листка на причинном месте. Уже это было мне интересно, хотя кар-

тина, как я предполагал, была творением самой этой безымянной бабки, бросившей холст и краски после замужества. Как большинство дам.

...Гаев улетал в Латвию на другой день после праздника и потому воспользовался приглашением в тот же вечер. Каково же было его потрясение, когда он обнаружил в старинном захламленном доме не мазню из натурального класса, а прекрасную картину самого мастера, одного из основателей американской реалистической школы живописи.

– Я глазам своим не верил. Сомнений не было. И манера письма, и подпись, и тематика... У него была «севильская» серия. В девятнадцатом веке его картины ценились не слишком высоко, продавались по двести долларов штука. Но вы помните, пять лет назад, когда на торгах появилась его знаменитая «Клиника Гросса» и ее захотела приобрести Национальная галерея искусств в Вашингтоне, в Филадельфии был объявлен сбор средств для того, чтобы сохранить картину в родном городе Икинса. Было собраны тридцать миллионов долларов, и Филадельфийский музей искусств и музей Пенсильванской академии изящных искусств приобрели картину в совместное владение за общую сумму шестьдесят восемь миллионов долларов. И вот я стоял и смотрел на маленький шедевр, на сценку с севильскими музыкантами-цыганами, на смуглую уличную танцовщицу в белом платье, отделанном пурпурной лентой. Наивная роскошь нищеты и царственная роскошь солнца на белой грязной стене позади музыкантов... Достичь такого высокого поэтического эффекта столь скромными средствами мог лишь великий мастер. Итак, передо мной был Икинс, вне всяких сомнений. И еще, конечно, передо мной был этот отвратительный пьяный старикан, который с самодовольной ухмылкой спрашивал, что я «теперь» скажу, как будто я что-то ему говорил прежде.

...Гаев, по собственному утверждению, не стал обманывать владельца картины и прямо сообщил ему, что тот является обладателем лакомого кусочка для любого солидного коллекционера. Дядюшка разразился издевательским смехом и заявил в ответ, что знает это с самого раннего детства, с тех пор как, по его собственному выражению, перестал писать в штанишки, а это случилось вскоре после убийства Кеннеди.

– Затем он без преамбул заявил, что собирается продать это сокровище, так как ему осточертело охранять фамильное достояние. Оно ему не дорого, так же как не дорог никто из потомков, этих заносчивых идиотов, которые неизвестно почему считают себя изваянными из золота и мрамора, так выразился старый потаскун! Словом, старикан желал убить сразу двух зайцев – лишить наследников этой реликвии и нажиться, чтобы весело провести остаток своих никому не нужных дней. Не сомневаюсь, в каком-нибудь притоне со стриптизершами.

...Торговались недолго. Дядюшка цену своему Икинсу давно знал и отлично понимал, почем может его уступить. Гаев также чувствовал границу, за которой благоразумие должно восторжествовать над желанием приобрести шедевр. Не прошло и часа, как они сговорились и о цене, и обо всех деталях сделки.

– Дядюшка при этом выжрал пол-литра виски, стал пьянее пьяного, но здорово держался и не продешевил. Могу сказать, к его чести, что я заплатил по полной и не нажил на этом ни цента. Икинса вряд ли удастся продать дороже, разве что страстному любителю, да еще немножко ненормальному... Ну, это почти синонимы. А искать такого – еще одна история. В общем, я ничего не нажил, но и не проиграл и раздобыл редкий экземпляр для коллекции. Икинса такого качества в нашем регионе не сыщешь. Примерно это я и рассказал Эрике.

...Эрика, выслушав историю неожиданного приобретения американского классика, раскрыла свои карты. Она сообщила, что в конце декабря готовится совершенно особенная выставка. Это лично ее инициатива, подобных экспозиций они еще не устраивали, так что впереди или громовой успех, плюс немалая прибыль, либо полный провал.

– Она сказала, что собирается собрать три, максимум четыре значимых полотна, особенно редких, ценных, неординарных. Никакой огласки, никакой прессы. Никакой рекламы

даже среди своих. Посетителей, а в их лице и покупателей, тоже будет двое-трое, не больше. Еще двое-трое экспертов. И все. Я спросил, в чем же тут может состоять мой интерес?

...Женщина ответила, что, учитывая избранный круг приглашенных, на картины могут быть установлены цены выше рыночных. Намного выше, как она рассчитывала.

– Эрика назвала все это *vip*-аукционом. Мне ее идея показалась странной с первых же минут. Чем дольше я думал, тем хуже понимал, в чем смысл. Я спросил ее, не проще ли свести меня – за вознаграждение, разумеется, – с любителем Икинса, готовым выложить мне за него цену выше рыночной, если уж она знает такого субъекта. Эрика настаивала, что это будет банальное посредничество, а она, дескать, надеется сочетать торг с искусством и заработать славу элитного галериста. Я сделал про себя вывод, что эта особа не уверена в том, что у меня приобретут Икинса по сходной цене, это просто торг наудачу.

Гаев, не желая связываться с сомнительным предприятием, перевозить картину, страховать ее, да и вообще играть вслепую, отказался. Но Эрика вцепилась в него мертвой хваткой.

– Когда она поняла, что призрачная выгода меня не привлекает, то предложила кое-что более осязаемое. Меня даже удивило, насколько она заинтересована в моем участии. Эрика пошла на невероятный шаг, предложила в случае, если моего Икинса никто не купит, оплатить все расходы, связанные с привозом картины в Москву, страховку и прочее. Она клялась, что позовет коллекционеров конкретно «на Икинса», обещала, что будет самый цвет.

К тому моменту Гаев заинтересовался проектом. Он, по его признанию, подозревал какой-то подвох, «без которого никак», но рассчитывал сбыть своего Икинса.

– Понимаете, Саша, я за него переплатил все-таки, – доверительно говорил мужчина, потягивая вино. – А таким сделкам нельзя радоваться бесконечно. Мне просто стало интересно, удастся ли его продать. Кроме того, хотелось его показать знатокам. Ну, я и согласился.

В маленьком зале неожиданно стало шумно. Появилась большая компания, для которой накрывали заказанный стол. Александра смотрела на людей, рассаживающихся по местам, на суетящихся вокруг них официантов и ничего не видела. Вместо ресторана перед ней снова возник длинный зал, три картины, выставленные для обозрения, умирающий на полу, столпившиеся вокруг люди...

– Если это весь ваш рассказ, то он ничего не объясняет, – произнесла она наконец, не дождавшись продолжения.

Гаев покачал головой:

– Беда в том, что это не все. Я приехал в Москву сегодня утром. Привез картину, как обещал. Имел удовольствие узнать про участие в выставке Болдини и Тьеполо – недурная компания для моего Икинса, что и говорить. Возобновить знакомство со Степаном Ильичом тоже было заманчиво. Я с Вороновым давно уж потерял контакт, а Эрика призналась, что ради него в основном все и затеяно. Еще мне стало известно, что приедете вы, это меня тоже обрадовало. Каждая встреча с вами – повод порадоваться.

Женщина сделала отстраняющий жест:

– Очень любезно с вашей стороны, но я жду объяснений.

– Сейчас вы их получите. – Гаев проводил взглядом спешившего мимо официанта и молчал, пока тот не удалился на достаточное расстояние. – Пару часов назад я узнал вещи, которые должны были остаться для меня тайной. Как и для вас, конечно, и для всех, кроме далеко не святой троицы, которая устроила эту махинацию. Первое – две картины заранее уже были проданы Степану Ильичу. Гости из Питера приехали чуть не к пустому месту, успели схватить только моего Икинса, и то потому, что Воронов не собирает Америку. Они сами посредники, кстати. Степан Ильич, узнав, что за картины продаются, посмотрев снимки, решил приобрести две. Задаток за них уже перечислен. Такое случается, если покупатель сильно заинтересован именно в этих полотнах и боится, что их перехватят. Мне самому случалось пару раз покупать

так, заранее, почти вслепую... И я не жалел об этих приобретениях. Тут как раз ничего странного нет... Но это полдела...

Гаев замолчал и поиграл ножом, крутя его между пальцами. Александра, как замороженная, следила за блеском лезвия. «Помнится, мне кто-то говорил, что играть ножом – очень плохая примета, – вдруг подумала женщина. – Но кто говорил, когда и к чему эта примета?»

– А второе, что мне стало известно, Саша... – Голос мужчины прозвучал так тихо, что ей пришлось податься вперед, чтобы расслышать каждое слово. – Одно яблочко из этих двух, купленных Вороновым, червивое. Одна картина не то краденая, не то поддельная, не то все это разом. Бедняге покойному понадобилось бы не больше суток, чтобы обнаружить это. Такие вещи узнаются быстро... Уж если узнал я, узнал бы и он. Да я бы и сам ему сказал...

– Но не успели! – шепотом же ответила Александра. У нее перехватило дыхание.

– И никто не успел бы, – взгляд Гаева остекленел. – Он умер в неведении или осознав истину уже в агонии. И его смерть – единственный гарант того, что деньги останутся в руках у этой троицы... Обман не будет обнаружен. Наследники Воронова ни уха ни рыла не понимают в картинах. Разве что пригласят экспертов для оценки... Но когда это еще будет, да и обнаружит ли что-то экспертиза? Вы по опыту знаете, конечно, что любой результат можно признать спорным. В крайнем случае, мошенники могут заявить, что картину подменили на подделку уже после...

– Но разве вы ничего им не скажете?

– Нет! – Гаев быстро перекрестился. – Я не хочу умереть так же, как этот бедняга. И вы никому не скажете, Саша. Даете слово?

– Да ведь я и не знаю ничего по-прежнему. – Она пристально смотрела на мужчину. – От кого вы узнали?

– Упаси меня господь еще что-то сказать вам! – Антиквар снова сотворил крестное знамение. – Я до сих пор сам не свой. Унести бы ноги. И вам я советую уехать, если возможно!

– Уехать? – Александра подняла брови. – Такой совет я уже получила сегодня.

– Ну и воспользуйтесь им. – Гаев, казалось, не слушал ее толком. – Я вот думаю, оставлять ли Икинса? Или отказаться от сделки, пока возможно, послать все к чертям? Ввязываться в уголовщину – себе дороже... Но цена, которую мне тут уже шепнули на ушко, меня устраивает... Я бы вовсе не стал ничего говорить, но я вам обязан кое-чем, так что решил, услуга за услугу... Сами понимаете, ничто не обходится нам так дорого, как неведение в момент опасности...

– Которая из картин подделка или краденка? – в упор спросила Александра. – Ну, исключая вашего Икинса по определению?

– Не все ли равно? – с тоской в голосе спросил Гаев. – Я рассказал слишком многое. Просто не связывайтесь с этими картинами, исчезните с горизонта на ближайшее время. Пусть этого подгнившего Тьеполо реставрирует кто-нибудь другой. Пусть Болдини, который тоже, к слову, не в идеальном состоянии, обнаружат не в вашей мастерской. Мой Икинс, казалось бы, безупречен, но свойство подобных афер таково, что начинаешь сомневаться в очевидных вещах. И поверите ли, я спрашивал себя уже, а почему я так убежден в своей непогрешимости? Вдруг старый алкоголик в Филадельфии надул меня? Вдруг я сам себя надул, поверил химере, погнался за мечтой? А если старый хрыч украл эту картину из частного собрания какой-нибудь пожилой леди лет сорок назад, а теперь сбыл краденое за океан? Ничего неизвестно... Я в шоке от случившегося.

– Но как убили этого несчастного? – сжимая в замок заледеневшие вдруг руки, спросила Александра. – И кто убил?! Кто-то из них троих? Не верю... Я их знаю много лет. Никто из них не мог бы... Ни за что!

Гаев сжал двумя пальцами переносицу, словно удерживая на ней несуществующие очки, и с закрытыми глазами поморщился:

– Я ничего не желаю знать! Вы видели, как страшно он умирал. Это умудрились сделать на глазах у множества свидетелей, публично, и при этом комар носа не подточит. Если бы я не рассказал, что тут подвох, вы бы и не заподозрили, правда? Ну вот, считайте, что я ничего вам и не рассказывал!

У женщины с губ готов был сорваться очередной вопрос, но Гаев, будто угадав это, вскочил из-за стола с несвойственной ему порывистостью:

– Никогда, никому, ни слова о том, что я вам рассказал! Слышите? Или вы очень скоро узнаете, почему он смеялся перед смертью, глядя на вас!

– Но вы же знаете почему! Вы догадываетесь! – Александра тоже поднялась из-за стола. – Его же наверняка отравили? Он не ел и не пил на выставке, угощения там не предлагали, значит, это сделали заранее? Да постойте же, скажите...

Но антиквар, все больше меняясь в лице, выхватил из кармана твидового пиджака бумажник, бросил на скатерть несколько купюр и судорожным жестом позвал проходившего мимо официанта:

– Получите и вызовите мне скорее такси! Даме тоже! Да, два разных такси!

Александра не успела и слова сказать, как он исчез.

Спустя мгновение она увидела его фигуру за большим витринным окном, полускрытым белой шелковой «маркизой». Гаев надевал пальто, не попадая в рукава, одновременно говорил по телефону и озирался так, будто ожидал внезапного нападения. Но никто его не преследовал. Мирный московский переулок медленно заметало снегом, неторопливо ложившимся на мокрую мостовую. Ветер утих, и хлопья падали как во сне, сомнамбулически медленно.

Снова присев за столик, достав сигареты, художница следила за тем, как топчется в снегу Гаев. Вихрь мыслей, которые этот человек умудрился поднять в ней своим рассказом, постепенно утихал. Теперь они являлись одна за другой неторопливо, в том же снижающем темпе, как падающие за окном снежные хлопья.

«Что он наговорил? Почему я должна верить ему больше, чем людям, которых знаю десять лет? Он вел себя сейчас как психопат, а раньше казался таким уравновешенным! Но эта внезапная смерть могла выбить его из колеи. Он вообразил неизвестно что... Перепугался, что его втянут в историю. Как все коллекционеры, Гаев до смерти боится скандальных историй, а тут скандала не избежать. Но почему я должна бежать из Москвы? Если он узнал, что одна из картин краденая или фальшивая, почему не сказал, от кого пришла информация? Все это похоже на мистификацию. Если бы я верила всему, что мне нашептывает один антиквар о другом, хороша бы я была! Послушать их, они все честные и святые, а прочие поголовно убийцы, мошенники и воры. Так ни с кем связываться не станешь и копейки не заработаешь, а ведь мне светит реставрация Тьеполо. Если только он не врёт и картины уже куплены несчастным Вороновым! Может, Степан Ильич был просто очень болен, неудивительно, в такую тяжелую погоду, в разгар гриппа... И почему я должна отказываться от заказа? Деньги как всегда нужны. Необходимы!»

К столику подошел официант и деликатно положил на край книжку с оплаченным счетом и сдачей.

– Принесите, пожалуйста, кофе, – попросила Александра. – И отмените такси. Мне машины не надо, я рядом живу.

Когда она подняла глаза, Гаева за окном уже не было. Его фигуру будто стерла мягким ластиком начинающаяся метель.

Глава 3

Дойдя пешком до дома, где она квартировала последние семь лет, занимая мастерскую в мансарде, Александра задержалась на минуту у подъезда. Ее остановила Марья Семеновна, домработница скульптора, жившего на третьем этаже. Кроме них, в этом наполовину истлевшем особняке обитал лишь еще один художник, Рустам, но и тот грозился на днях съехать. Ему удалось присмотреть другую мастерскую, с набором минимальных удобств.

Как тут же выяснилось, Марья Семеновна принесла именно эту печальную весть. Печальную, потому что для Александры каждая опустевшая комната в особняке, каждый умерший или уехавший сосед были очередной строчкой в длинном приговоре, который зачитывался ей самой. «Однажды и мне придется уйти отсюда, – со страхом говорила она себе. – Но куда?! Куда...»

– Рустам полдня вещи вывозил, – сообщила старуха, скаля в иронической улыбке железные зубы, придававшие ее увядшему рту схожесть с кощеевой пастью. – Кучу бросил, я уже и нам кое-что забрала.

Зайди к нему на квартиру, поищи себе что-нибудь. Там даже матрацев пара осталась. Дверь он запер, а ключ мне отдал.

Прежде Марья Семеновна едва терпела соседку из мансарды и, встречая ее на лестнице, в разговоры не вступала, а лишь что-нибудь нелюбезно цедила сквозь зубы. Впрочем, так она относилась ко всем представительницам женского пола, видя в каждой даме потенциальную опасность для своего обожаемого подопечного, очень неразборчивого в связях. Но в последнее время старуха сделалась почти ласковой с Александрой. Возможно, ее суровость смягчилась ввиду близкого конца «вороньей слободки», где много лет подряд обитали художники, скульпторы и реставраторы. Марья Семеновна казалась неотъемлемой частью этого ветхого строения в центре Москвы, в переулке рядом с метро «Китай-город». Такая же одряхлевшая, такая же непримиримая, она сновала вверх-вниз по окрестным переулкам, подметая пыль, грязь и снег истрепанными бархатными юбками, изумляя прохожих невероятными головными уборами – флорентийскими беретами, побитыми молю, альпийскими шляпами в винных пятнах, облезлыми золотыми сетками для волос. И, слушая ее сейчас, Александра впервые задалась вопросом: а что ждет эту старуху, когда мастерским придет конец?

– Ключ? – задумалась на миг художница. – Это неплохо... А я вот что подумала, Марья Семеновна... Почему бы мне не устроить у Рустама хотя бы спальню? Сами знаете, на что похож зимой мой чердак... Со всех щелей дует, с пола, с крыши... Эта зима доконает мою проводку, я и так уж боюсь включать обогреватели. У Рустама все же чуть теплее на втором этаже.

– И мастерская недурная! – обрадовалась старуха. – И к нам ты будешь ближе, мы вот прямо над тобой! А то сейчас между нами еще целый этаж нежилой, случись что...

– Вы боитесь? – изумилась Александра, впервые слышавшая от соседки подобные речи. – Да ведь вы же не одна, со Стасом!

– За тебя боюсь, не за себя, – отрезала Марья Семеновна. – Ты там иной раз закопаешься на своей голубятне в мусор, и не слышно сутками, не видно. Жива ли, нет ли? Неизвестно. Бери ключ, владей. Никто, видно, на эту мастерскую не позарится. В былые времена друг у друга светлые очи вынимали только чтобы тут закрепить, взятки в Союзе раздавали, да еще за честь почитали у нас мастерскую получить... А теперь все прахом пошло. Не хватает еще только, чтобы ночью дом сгорел. Поджаримся, как куры на решетке...

Продолжая бормотать свои апокалиптические пророчества, старуха передала художнице ключ от мастерской Рустама. Женщина вошла в дом и принялась подниматься по темной лестнице, привычно ступая по истертым посередине мраморным ступеням. Каждую выбоину она

помнила наизусть. Ей давно уже не нужен был свет, чтобы без остановки, вслепую преодолеть весь путь до своей мансарды. Начиная с четвертого, давно нежилого этажа, где проваливались полы, мрамор заканчивался, и наверх вела крутая железная лестница. Александра пролетела ее одним духом. Она была одновременно вымотана и взбудоражена событиями этого долгого дня и хотела скорее лечь в постель.

Как только женщина отперла тяжелую, обитую железными листами дверь, ей под ноги метнулась кошка. Черный зверек возмущенно мяукнул и пропал в темноте лестницы. Александра, сорвавшаяся с места из-за звонка жены Эрделя, забыла выпустить кошку на улицу, и Цирцея, привыкшая к свободе, была возмущена таким долгим заточением.

– Ах, Эрдель же! – простонала Александра, захлопывая дверь. Она добрела до тахты и включила стоявший рядом торшер. Усевшись на скомканный акриловый плед «под волка», женщина стиснула ноющие виски ледяными ладонями.

Напольные часы начала прошлого века, заключенные в подобие деревянного гроба, показывали половину десятого. Настольный будильник в железном корпусе настойчивым громким тиканьем убеждал ее в том, что уже без двадцати десять. И, наконец, наручные часы с оторванным ремешком свидетельствовали, что уже без пятнадцати. «Будем считать, что сейчас без двадцати десять. В больнице еще не должно быть отбоя... Но если Евгений Игоревич плохо себя чувствует, он, наверное, спит...»

Александра набрала домашний номер Эрделя и ждала до тех пор, пока звонок не прервался автоматически. «Дома никого! – Ее терзали худшие подозрения, которых женщина не решалась домыслить до конца. – Значит, жена осталась в больнице с ним. Значит, ему совсем плохо... И как она плакала, когда говорила со мной! Что она говорила? Ведь что-то же она такое необычное сказала, мне резануло слух, но было не до раздумий... Необычное...»

Александра посмотрела на замолчавший телефон и нахмурилась. «Она сказала, что созванивается со знакомыми врачами, чтобы определиться, куда ехать... И кажется, добавила мимо трубки: “Хотя он запретил мне звонить врачам!” Было это или послышалось? Могло и послышаться с перепуга!» Набирая номер мобильного Эрделя, художница не знала, чего опасается сильнее: того, что телефон не ответит, или того, что придется услышать дурную весть. Но в трубке немедленно раздался голос. Говорила жена Эрделя, на этот раз вполне спокойно. Но уже то, что телефон мужа оказался у нее, очень встревожило Александру.

– А, это вы, – без энтузиазма произнесла собеседница, узнав, кто звонит. – Да, пришлось оставить его в больнице.

– Что с Евгением Игоревичем?

– Пока неизвестно. Сердце плоховато, он сильно задыхается. Неудивительно! – В голосе женщины послышались раздраженные нотки. – Если в шестьдесят пять лет выпивать три литра кофе в день, ничего другого ждать не приходится!

– А где я могу его навестить? Когда?

Александра ожидала любого ответа: что пока не время, что врачи запрещают визиты, но то, что произнесла жена Эрделя, повергло художницу в шок.

– Ой, не получится! – раздалось в трубке. – Он ведь просил передать, чтобы вы ни в коем случае к нему не приходили! Прямо вот ни-ни!

– То есть... – растерялась Александра. Вероятно от изумления, она вдруг вспомнила имя супруги Эрделя, до сих пор упорно ускользавшее у нее из памяти. – Татьяна, вы уверены, что он это сказал?! Простите, я не понимаю, ведь...

– Да я тоже не понимаю, – оборвала та, – но передаю, что было велено. Нет, стало быть, нет. Он не хотел вас видеть, ни за что! И уж извините, но я страшно устала и хочу прилечь! Спокойной ночи!

И выключила телефон.

Александра сидела на краю тахты, свесив руку с замолчавшей трубкой, и немигающим взглядом уставившись в сумрак мансарды. Свет торшера с прожженным в нескольких местах пергаментным абажуром едва озарял пару метров в диаметре. Остальная часть обширного помещения растворялась в темноте. Близкая крыша дрожала под частыми ударами зимнего ветра, угрожающе громыхал отставший лист кровельного железа, будто по скату грузно шел средневековый рыцарь в полном облачении. Александра, давно уже научившаяся определять по интенсивности этого звука скорость ветра, поняла, что поднялась метель.

«Почему Евгений Игоревич не желает меня видеть? Мы всегда так хорошо общались... В последнее время особенно сблизились... После того как я чудом раздобыла для него этот редчайший герметический трактат...¹ И вдруг видеть меня не желает! Не мог же он обидеться за то, что я не успела приехать!» Отчаянно пытаюсь разобраться в этой загадке, художница внезапно осознала еще два весьма странных обстоятельства, которые не сразу дошли до ее сознания. «Почему Татьяна забрала у мужа мобильный телефон?! Кто же так поступает, оставляя человека в больнице?! Ведь не в коме он, не умер!»

И вторая странность насторожила ее, едва она вспомнила последние слова супруги Эрделя. «Сказала, что ложится в постель отдыхать. Но я только что звонила им домой, никто не взял трубку. Конечно, она и не обязана была подходить к телефону. Но на звонок по мобильному тут же ответила. Так может быть, она вовсе и не дома сейчас? И это просто отговорка, чтобы от меня избавиться?»

Женщина встала, подошла к окну, открыла разбухшую створку. В лицо ей посыпался мелкий колючий снег, сдуваемый ветром с гребня крыши. Переулок, обычно затихающий ближе к полуночи, был необычно пуст для десяти часов вечера. Оранжевые луны фонарей висели длинной вереницей на перекрестье проводов. Настоящей луны не было видно, выше кровель домов бесновалась метель.

Александра не находила себе места от беспокойства. Все, случившееся сегодня, выходило слишком далеко за рамки обыденности, чтобы она могла заставить себя лечь в постель, закутаться пледом и уснуть. Женщина решила спуститься в опустевшую мастерскую Рустама на втором этаже и оглядеться там. Она снова застегнула куртку, которую принялась было снимать, и вышла на лестницу.

Спускаясь, женщина старалась производить как можно меньше шума. Хотя ключ был вручен ей официально, ее не покидало ощущение, что она незаконно пытается проникнуть в чужую квартиру. Откуда оно взялось, Александра не понимала. В этом доме, давно превратившемся в коммуну, почти все двери были незапертыми, многие вещи считались общим достоянием. Электроплитки, чайники, посуда, одеяла – все кочевало с этажа на этаж, в зависимости от того, к кому приезжали гости. И все же Александра почти прокралась мимо приоткрытой двери скульптора. Из квартиры раздавались громкие мужские голоса. К Стасу пришли гости. Незапертая дверь свидетельствовала о том, что Марья Семеновна была отправлена за покупками. Сама она никогда не оставила бы мастерскую открытой.

На втором этаже Александра остановилась, достала ключ и на ощупь отперла замок. Переступив порог, она с опаской пошарила по стенам вдоль косяков, ища выключатель. Вся проводка в доме была допотопная, наружная, во многих местах чиненая-перечиненая и даже вовсе оголенная. Неосторожное прикосновение могло закончиться фатально.

Вспыхнула лампочка, осветившая переднюю. Александра двинулась осматривать квартиру. «Недурно, – говорила она себе, – куда уютнее, чем у меня! А еще говорят, что женщина умеет создать вокруг себя уют из ничего, а мужчина – нет. Смотря, какая женщина... Я ни к чему подобному не пригодна. А Рустам-то молодец, даже выключатели новые поставил!» Свет в своей мастерской она давно включала с помощью пластикового черенка сломанной вилки,

¹ Читайте роман А. Малышевой «Дом у последнего фонаря».

опасаясь, что ее ударит током. Из дыры в стене злобно таращилась окисленная медная кнопка, опутанная оголенными, подпалившимися проводами.

У Рустама в мастерской царил если не порядок, то его близкое подобие. Было видно, что художник пытался свести к минимуму неудобства, потратив такой же минимум средств. Проводка в стратегических местах была обновлена, а старая, опасная, частично вовсе убрана. Стены оклеены дешевыми обоями – наспех, небрежно, в шрамах и складках, но, во всяком случае, грязь и плесень были прикрыты. К черному выщербленному паркету прибит линолеум, грошовый, но целый, без дыр. Александре, привыкшей на чердаке к лишениям, убогое жилище показалось роскошным. Она обошла все три комнаты, потрогала лежавшие на полу старые матрасы, везде включила свет. «Здесь можно отлично устроиться! Спать, есть, мыться. Даже вода нормально идет из крана!» На чердак вода доходила в виде тонкой струйки, едва сочившейся из позеленевшего латунного крана, вмazanного в прогнившую стену.

Вдоволь наравдавшись на свое новое жилье, Александра задумалась о переезде. И тут перед нею встала задача почти неразрешимая.

Мастерская на чердаке досталась ей после смерти мужа, с которым она прожила пять лет, вплоть до того дня, как нашла его мертвым на этом самом чердаке.

Ивану Корзухину, чью фамилию женщина отныне ставила рядом со своей, было тогда всего сорок пять лет. Ей – на двенадцать лет меньше. Оставшись вдовой в тридцать четыре, Александра не делала больше попыток ни выйти замуж, ни просто с кем-то сойтись. У нее на счету был еще первый, неудачный брак, заключенный в пору ее учебы в Питере. Ее избранником стал молодой скульптор из Архангельска, с которым она прожила недолго. У Александры сложилось убеждение, что она попросту не создана для семейной жизни, для устройства домашнего очага, и, к сожалению, для материнства. До какого-то момента она смутно мечтала родить ребенка «для себя», правда, не представляя, от кого и на какие средства, на какой площади этого малыша содержать, ведь чердак, продуваемый всеми ветрами и невероятно грязный, для этого не подходил. Но врач, к которому женщина обратилась, вынес жесткий вердикт: ребенка у нее никогда не будет. И она смирилась с тем, что навсегда останется одна, и перестала мечтать о призрачном личном счастье вообще, даже в шутку.

Все было прожито и пережито на этом чердаке, двенадцать лет Александра пыталась покинуть его и не могла – то по одной причине, то по другой. «Не то они искали меня, эти причины, не то я их находила? – думала женщина, бродя по освещенным комнатам своего нового пристанища. – Очень часто мне было трудно, редко – хорошо и всегда – одиноко. Но я оставалась здесь, в этом выморочном доме, вместо того чтобы попытаться устроить свою жизнь как-то иначе. Неужели я не смогла бы? Мне случалось зарабатывать хорошие деньги. Друзья не однажды предлагали за символические суммы пожить у них в квартире, пока они уезжают за рубеж на длительное время. Но каждый раз я умудрялась потратить деньги как-то иначе, а потом найти сотню причин, чтобы остаться на моем чердаке. Чаще всего говорила, что остаюсь потому, что не могу тащить за собой весь хлам, нужный мне для работы, свои бумаги, холсты, книги... Да, хлам...»

Даже теперь, когда она собиралась переехать всего тремя этажами ниже, мысли о вещах, с которыми художница за годы попросту срослась, очень ее беспокоили. И в самом деле, спрашивала себя женщина, как перетащить всю эту пыльную, запачканную, имеющую немалый вес и объем грудку самых необходимых ей для работы материалов и книг? Как разместить их тут, каким образом устроиться, чтобы все было под рукой, в привычном порядке? Ведь несмотря на то что неподготовленный человек, увидев ее жилище, всегда бывал изумлен хаосом, в беспорядке был продуманный до мелочей смысл, каждая, самая ничтожная вещичка лежала на своем месте, годами неизменном. Перевозить вещи куда бы то ни было для Александры значило поставить под угрозу срыва все заказы. «Я не сразу смогу начать работать на новом месте, придется устраиваться не одну неделю. Но как тут хорошо! И совсем не дует с пола. Щели

Рустам тоже заделал. Он устроился лучше всех нас. Уж на что Марья Семеновна следит за мастерской Стаса, но починкой и ремонтом старуха заниматься уже не может, не по силам, а самому Стасу давно на все наплевать!»

Наконец женщина стала склоняться к единственно возможному, как ей казалось, решению. «Здесь буду спать и сюда личные вещи перенесу – одежду, посуду. А наверху оставляю все для работы. Буду жить на два дома, как барыня. Наверху мастерская, внизу спальня. Здесь можно даже Риту по-человечески принять!»

С Маргаритой они не виделись пятнадцать лет, с тех пор как та первой закончила институт, где училась вместе с Александрой, и уехала домой в Киев. Оттуда спустя год внезапно перебралась в Данию, где собиралась выйти замуж. Но брак отчего-то не состоялся. Маргарита написала об этом подруге, тогда уже вернувшейся домой, в Москву, скупно, будто сквозь зубы, без каких-либо подробностей. Открытка пришла под Новый год. На ней был изображен замечательный снегом канал, по которому на коньках скользили румяные ребяташки. Картинка долго торчала за ширмой, стоявшей в комнате, где жила Александра с первым мужем. Ширма, как и открытка с адресом, так и остались в доме родителей, когда Александра переехала ко второму супругу, Ивану Корзухину, в продуваемую всеми ветрами мансарду, заваленную старыми холстами и прочим хламом.

Больше Маргарита не писала или же просто ее послания не доходили до Александры. Она как-то случайно узнала, что ее родители утаивали от нее половину почты, приходившей на их адрес. Из лучших побуждений, разумеется, чтобы дочь не водилась с «лишними» друзьями. Вероятно, их слишком впечатлил брак Александры с нищим скульптором из Архангельска, а затем со спившимся художником, пусть москвичом, но нищим и бездомным. Другого официального почтового адреса у художницы не было. И вот, совершенно неожиданно, через третьи руки, до нее дошло известие, что Маргарита собирается на днях быть в Москве, причем нагрянет именно к ней. Правда, точная дата приезда пока неизвестна.

– А твой адрес я ей сказал, – сообщил по телефону знакомый, доставивший новость. – Это ведь ни для кого не тайна.

Выйдя из квартиры и заперев дверь, женщина поднялась в мансарду. Эту ночь она решила провести у себя. «А утром найду Эрделя в больнице. Позвоню Татьяне еще раз и спрошу, куда его отвезли. Это просто каприз больного человека. Завтра он, возможно, захочет меня увидеть!»

Засыпая, она вспоминала историю, услышанную от Эрделя неделю назад. Александра никак не могла выбросить ее из головы, хотя в одиночку, без подсказок, такой ребус ей было не разгадать.

...Эрдель, по своему обыкновению, перебрал и забраковал все книги, что принесла ему тогда Александра. Угодить ему было очень трудно, и художница не ждала, что он приобретет хотя бы какой-то пустяк. «Я уже все собрал!» – часто говорил Эрдель, кладя последнюю принесенную Александрой книгу в стопку «отверженных». Она давно ходила в его квартиру на Петровке не с целью заработать, а чтобы послушать интересные истории, которых у Эрделя в запасе было множество.

Вот и неделю назад они сидели на просторной темноватой кухне, где даже среди бела дня горела лампа под желтым шелковым абажуром. Пили чай, болтали о пустяках, как старые друзья, давно обсудившие все самые важные темы. И тут Эрдель внезапно спросил:

– Саша, вы в судьбу верите?

Услышать подобное от человека, всегда настроенного более чем прозаически, Александра не ожидала. Поставив чашку, она вопросительно взглянула на коллекционера. Тот невольно усмехнулся:

– Ну да, в судьбу, в ту судьбу, от которой, по поговорке, не уйдешь?

– Пожалуй, – задумчиво проговорила женщина. – Случались со мной вещи, которых невозможно было избежать, как ни старайся... Вы об этом?

Эрдель смотрел в пространство, сидя неподвижно, словно не слышал вопроса. Теперь Александре бросилось в глаза то, что раньше ускользало от ее внимания. Старый знакомый сильно изменился с тех пор, как они виделись в последний раз, а это было несколько дней назад. За трое-четверо суток Эрдель осунулся, как-то осел, будто снег под солнцем. Даже вещи казались ему велики и висели на нем, как чужие. «Он болен! – с тревогой подумала женщина, глядя на хозяина квартиры и не решаясь задать ему прямой вопрос, рвавшийся с языка. – И серьезно болен, раз у него такие мрачные мысли! Неужели... Неужели...»

Эрдель продолжал, глядя в пустоту:

– Да, нельзя избежать... Старайся, не старайся. Даже если видишь опасность, давно видишь... Иногда лучше знать поменьше... Зачем это проклятое знание, если оно не может тебя сохранить от судьбы?

«Он говорит не со мной, а сам с собой. – Александра не знала, что и думать. Она впервые видела коллекционера в подобном состоянии. – Судьба... Похоже, он все-таки не болен, тут что-то другое!»

Она поняла, что угадала, когда Эрдель, опомнившись, спросил:

– Надеюсь, вы не думаете, что я истерик и психопат? В моем возрасте принято жаловаться на болезни, а я вдруг – на судьбу. Ну, ведь болезни – это дело житейское, никого не минуют. А судьбу все пытаешься обмануть... Напрасное дело! – И на миг умолкнув, продолжал уже без запинок: – Я вам кое-что расскажу, Саша. Это старая история, ей больше лет, чем вам, так что вы ее знать не можете. О ней вскоре забыли, забыли все, кроме людей, которых она коснулась непосредственно. Мне было двадцать два года. В этом возрасте ничего не принимаешь всерьез, только самого себя. Вот и я тогда не принял эту историю близко к сердцу.

Это случилось летом шестьдесят седьмого года. Эрдель был студентом историко-архивного института, его нынешняя квартира в переулке близ Петровки тогда еще представляла собой коммуналку, где в четырех комнатах теснилось три семьи. Он только начинал собирать свою библиотеку. У студента, живущего на грошовую стипендию и случайные подработки, денег не хватало хронически. Поэтому Евгений, которого еще никто не звал по отчеству, менялся книгами с друзьями, пропадал в букинистических магазинах, надеясь на случайную удачу... Но самые замечательные приобретения он делал, если где-то распродалось чье-то наследство. Как все коллекционеры, молодой Эрдель был падальщиком и кружил вокруг таких распродаж, за гроши приобретая то, что стоило рубли, а порою и намного больше. Равнодушные и ничего не понимающие наследники рады бывали хоть что-то выручить за старые трухлявые фолианты, источенные жучком, изъеденные крысами и обметанные плесенью вдоль переплета. Однажды, приобретя содержимое целого книжного шкафа, студент расстался всего с тремя рублями. Будь у него пять рублей, ему отдали бы впридачу и сам шкаф – работы бургундского мастера, из грушевого дерева, покрытый резьбой. Обе филенки были расколоты снизу доверху, все четыре ножки оказались разной высоты, вдобавок, их изгрызли собаки. Каждый новый щенок, из тех, что на протяжении сотни лет появлялись в семье, владевшей шкафом, считал своим долгом воздать почести искалеченной мебели. Но лишних двух рублей у Эрделя в ту пору никогда не водилось, а обладай он такой суммой, она была бы неизбежно истрачена на книги.

Как-то раз ему редкостно повезло, во всяком случае, так показалось сперва. Друг и сокурсник шепнул Эрделю на ухо, что его дальние знакомые спешно распродают библиотеку. «По случаю смерти хозяина...» Этого краткого уточнения было достаточно, чтобы сердце молодого коллекционера сделало несколько лишних ударов. Спешная распродажа по случаю смерти! В такой ситуации никто особенно не дорожит старым хламом и цены ему точно не

знает. Хотят освободить шкаф, комнату, а то и всю квартиру. Начать новую жизнь на свободном месте. По случаю смерти – это часто второпях, почти за бесценок. Иногда даром. У Эрделя бывали и такие удачи.

Стоит ли говорить, что он прогулял последнюю пару и поспешил по указанному адресу. Нашел старый особняк, в переулке неподалеку от Садового кольца, вблизи Арбата. Он приехал наугад, не известив о своем визите, так как телефона ему не дали. Дверь открыли сразу, едва он громко назвал имя пославшего его друга. На пороге стояла худощавая женщина с пронизывающим взглядом. Осмотрев неказисто одетого студента, она осведомилась, зачем он пожаловал.

– У вас продаются книги? – все больше робея, спросил Эрдель.

Женщина ответила не сразу. Она будто решала, стоит ли визитер того, чтобы с ним вообще заговаривать. Наконец, словно придя к некоему выводу, кивнула:

– Книги тоже. Идите, смотрите. Все – там.

Квартира была не коммунальной, Эрдель сразу это понял. Одна из дверей, ведущих в переднюю, была приоткрыта, за нею виднелся угол кожаного красного дивана. Роскошь по тем скудным временам немыслимая! У студента разом исчезли радужные надежды насчет приобретения книг за гроши. Он по опыту знал, что богатые люди денег на ветер никогда не бросают. Щедрой бывает только бедность.

Он вошел в комнату с красным диваном и, увидев книги, сразу забыл о робости. Их было множество, они стопками стояли прямо на паркете. Присев на корточки, Эрдель увлеченно принялся разбирать библиотеку.

Подбор книг его удивил. Много иностранных, на немецком, латыни, несколько греческих. Некоторые старые, отпечатанные еще в начале девятнадцатого столетия, некоторые – свежие, явно привезенные или присланные из-за границы. И все, к его разочарованию, посвящены естественным наукам. Эрдель собирал совсем другой род литературы, он уже тогда жадно глотал все, касающееся религии, истории христианских ересей. Доставать такую литературу было сложно вдвойне, порой – рискованно. Молодой человек решил приобрести здесь хотя бы несколько, самых ценных и редких книг, чтобы обменять их при случае на «свою тему». Но сколько за них запросят? Хватит ли денег хотя бы на одну?

Он собрался задать вопрос хозяйке, встал, оглянулся и только тут заметил, что изначально был в комнате не единственным покупателем, осматривающим выставленный на продажу товар. Кроме него, здесь находился высокий плотный парень с наглым сытым лицом, на котором была написана рано окрепшая склонность повелевать и подавлять. Парень рассматривал картину, висевшую на стене. Женщина стояла на пороге, скрестив руки на груди, и следила за посетителями. Возле ее рта залегли две глубокие презрительные складки. Она как будто заранее выражала недоверие к платежеспособности молодых людей.

– Сколько стоят эти три книги? – спросил Эрдель, несмело показывая отобранные томики.

Женщина подошла, взглянула на корешки, открыла одну книгу и с очень недовольным видом захлопнула ее. Это был популярный трактат по медицине, отпечатанный во Фрайбурге в тысяча семьсот девяносто шестом году.

– Книга очень старая, – заявила женщина, – и ценная.

– Сколько вы хотите за нее?

По глазам хозяйки Эрдель понял, что та не имеет никакого понятия о цене книги. Взгляд женщины беспокойно метался, будто спрашивая совета у стен, оклеенных дорогими золочеными обоями, у кожаной мебели, у рояля, накрытого бархатной попоной с шелковыми кистями. Наконец она решилась и выпалила:

– Сто двадцать рублей!

Эрдель чуть не выронил книги, которые держал в руках.

Опомнившись, он аккуратно положил их поверх стопки и церемонно поклонился – невеста откуда, видимо, от шока, выскочили манеры, которые ему безуспешно пыталась привить бабушка.

– Это совершенно невозможно.

– Сколько же вы дадите? – насупилась женщина. – Книга стоит этих денег. Она и больше стоит. Вы явно не разбираетесь в книгах, если говорите, что я прошу лишнее. Это хорошая цена.

Они бы никогда не договорились. Эрдель яснее ясного видел алчность, написанную на лице этой дамы, еще не совсем увядшей, когда-то, возможно, и красивой, но производящей неприятное впечатление из-за жесткого выражения глаз и губ. Но тут неожиданно вмешался парень, изучавший картину. Он заговорил громко и авторитарно, словно с детства привык командовать людьми:

– А ну, покажите! Что там? Вот эта книга, что ли?

Взяв трактат, он одним пальцем пролистал истрепанные страницы и, скривив полные губы, вынес вердикт:

– Ей цена три рубля в базарный день.

– Три?! – взвилась женщина. – Да вы, молодой человек, цену деньгам знаете? Что ерунду говорите?! У вас, может, никогда больше трешницы и не водилось! Для вас и это – деньги! Три рубля! Издевательство!

– Будь это гнилье в хорошем состоянии, можно было бы взять за пятнадцать, – упорствовал парень с видом знатока, которому безразлично возмущение профана. – А эта никуда не годится. Она же в руках сыплется! Глядите!

Он указал на ковер, и все имели возможность полюбоваться на кусочки коричневой трухлявой бумаги, отвалившиеся при перелистывании страниц. Хозяйка разом притихла. Аргумент был предельно убедительный.

– Три рубля – сегодня, – продолжал полный парень, упорно не глядя на Эрделя, замершего в счастливом ожидании. – А через пару лет она превратится в труху, и вы не возьмете за нее и гривенника. Продавайте, если нашелся... любитель.

Вместо слова «любитель» так и слышалось «дурень», но Эрдель не обиделся. Трактат достался ему за эти самые смехотворные три рубля, тогда как стоила книга раз в десять больше. Остальные отобранные им книги хозяйка уже рада была сбыть за ту цену, которую авторитетно назвал парень с начальственным тоном и наглым лицом. В итоге за десять рублей Эрдель получил то, на что и надеяться не мог, – великолепную подборку лечебников, изданных на рубеже восемнадцатого-девятнадцатого веков в крупнейших европейских университетах. Он знал, что стоит ему показать эти книги одному знакомому профессору МГУ, который в свое время и приохотил его к собирательству, как тот сделает все возможное, чтобы ими завладеть. В частности, найдет книги на обмен, какие пожелает сам Эрдель.

Все складывалось прекрасно, чего еще желать? Но, покинув особняк, Эрдель не решился сразу отправиться домой, чтобы рассмотреть добычу. Что-то безотчетно тревожило его в той легкости, с которой ему удалось завладеть книгами. Он стоял в переулке и дожидался, когда выйдет его непрошенный благодетель.

Ждать пришлось почти два часа. Наконец тот появился. Пинком распахнув взвизгнувшую дверь подъезда, парень, не глядя по сторонам, зашагал в сторону метро. Он нес большой пакет из газетной бумаги, судя по всему, не тяжелый. Эрдель какое-то время шел следом, не решаясь остановить его, заговорить. Он был уверен, что остался незамеченным и потому испугался, когда парень вдруг резко развернулся и почти бегом бросился к нему с возгласом:

– Ты что это, шпионишь за мной?!

Эрдель признался, что ему еще никогда не было так стыдно. Ведь он в самом деле впервые в жизни за кем-то следил. Он принялся невнятно объяснять, в чем дело, выразил сомнение в том, что сделка законна. Его подняли на смех.

– За червонец разжился парой книжек и уже переживает! – издевался незнакомец. – Что, бабу пожалел? Не бойся, она по миру из-за тебя не пойдет. Эта скорее других без порток пустит побираться, чем свою выгоду упустит. Тут она просто не понимала ни черта. Нечего ее жалеть!

– А вы с ней знакомы? – Эрдель нерешительно убирал книги в парусиновую сумку. Все это время он прижимал их к груди, не решаясь спрятать.

– Первый раз видел! Да я таких баб знаю! – ответил парень и без церемоний представился, протянув руку: – Степан. Имя, да? Родители удружили, в честь деда. Давай уж на «ты», что за реверансы?

– Евгений, – Эрдель с чувством пожал руку новому знакомому, который начинал ему нравиться. – А ты что у нее купил?

– О, я, знаешь... – Степан вдруг остановился, взглянув на Эрделя с сомнением. – Ты только книги собираешь или еще чем интересуешься?

– Только книги.

– Тогда ты мне не конкурент, – кивнул парень. – Я у нее купил картинку. Ерундовая картинка, неизвестного автора, охотничий жанр.

Он опять умолк, явно боясь сказать лишнее, но юношеское тщеславие взыграло, и Степан торжествующе выпалил:

– За двадцать пять рублей купил, а ей цена все двести! Но состояние среднее... Она уж умоляла под конец, чтобы я забрал эту кислую мазню. Заплатил, можно сказать, за одну рамку.

– Как у тебя получается? – заинтересовался Эрдель. До сих пор он втайне считал себя везучим коллекционером, даже гордился умением покупать за гроши более-менее ценные книги. Но перед напором и апломбом Степана все меркло.

Мордатый парень хохотнул:

– Подход нужен к людям, усекаешь? Подход! Особенно к дамам пикантного возраста. Посмотри на себя, как ты выглядишь, как держишься? Будто нищий на паперти. «Можно книжки посмотреть... Сколько стоит?» Ты же не милостыню просишь! Ты пришел ей услугу оказать, дать денег за старый хлам. Так и веди себя как благодетель. А то еще, знаешь...

И Степан довольно похабно подмигнул, будто намекая на некие дополнительные обстоятельства. Эрдель, никогда не отличавшийся особенной смелостью с женщинами, пожал плечами, изображая равнодушие:

– Ну, с этой, предположим, не очень-то весело дело иметь!

Степан взглянул на него с искренним изумлением и присвистнул сквозь зубы:

– Ты, смотрю, в бабах ничего не понимаешь! Что она в годах, это хорошо, дурень! Ухаживать долго не придется, а кончается все одним и тем же. Я вот жалею, что двадцать пять ей заплатил! Несговорчивая стерва! Впервые у меня такое! Обычно они на все готовы, если поухаживать...

Он говорил о бывшей хозяйке картины даже как будто с уважением, удивляясь своей «промашке». А Эрдель, привыкнув к несложной моральной позиции новообетенного приятеля, от души веселился:

– В самом деле, если ты такой ловкий, что ж ты ей деньги дал? Остался бы подольше...

– Да не мог я. – Степан внезапно помрачнел и переложил сверток из руки в руку. – Она мне такое сказала, что всякое настроение пропало. Сунул ей деньги в зубы и ушел. Знаешь, после кого она все продает? Думаешь, после бабули или дедули? Я вот тоже так считал...

Эрдель признался, что не знает даже имени хозяйки, не то что подробностей распродажи. Степан вздохнул:

– У нее сестра умерла, у этой гримзы. Младшая сестра, еще тридцати не исполнилось. Это все ее имущество – и книги, и картина. Там еще пишущая машинка продается, одежда, барахло всякое. Все решили распродать.

– А от чего умерла? – любопытствовал Эрдель.

– Задохнулась, – коротко ответил Степан и, внезапно остановившись, протянул руку: – Ну бывай, может, пересечемся еще. Мне налево, а тебе куда, в метро?

Они и в самом деле за разговором незаметно оказались у станции метро. Эрдель ошеломленно огляделся, не узнавая знакомых мест, и спросил:

– Задохнулась – это как? От чего задохнулась?

– Иди разберись, – буркнул Степан. – Я эту мадам спрашивал, но она особо говорить не желала. Задохнулась и умерла, вот и весь сказ. Да если бы только это...

Эрдель видел, его новый знакомый хочет что-то прибавить, но не решается. Степан мялся, топтался на месте и наконец выпалил:

– Слушай, когда я оттуда уходил, меня на лестнице бабулька остановила. Завела разговор «о бессовестных соседях», как это у бабулек водится. Так вот, я интересную штуку узнал... Умерла-то не одна хозяйкина сестра. У нее еще была подруга, та тоже неделю назад скончалась.

Эрдель смотрел непонимающе. Степан явно хотел, чтобы его поняли с полуслова, а когда этого не случилось, рассердился:

– Ну что тарاشишься? От того же самого умерла. Соседка мне подробностей подсыпала. Обе страшно мучились, отек легких, бред, конвульсии, лица распухли. Из инфекционной больницы эту Софью, чьи книжки ты купил, сразу отправили в крематорий. Подругу тоже.

– Откуда соседка про подругу-то знает? – с неприязнью осведомился Эрдель.

– Подруга жила через два дома, за углом. Такие бабульки пол-Москвы знают, а уж свой район... Так вот, после смерти Софьи и ее подружки по домам ходил врач-эпидемиолог, всех осматривал, мерил температуру, спрашивал, какие жалобы на горло. Усекаешь? Болезнь-то была заразная! А эта стерва вещи после покойной распродает!

– Что за болезнь? – поежился Эрдель.

– Так тебе и скажут! Ребенок ты, что ли? Не понимаешь, панику нельзя поднимать. Я лично для себя решил, перепродам картину быстрее, домой даже не понесу, от греха. Ты тоже с этими книжками не слишком целуйся. А вообще... – Степан тряхнул головой, словно отгоняя дурные мысли. – Больше-то никто не заболел и не умер, так что бояться особо нечего! Бывай!

И развернувшись, зашагал прочь. Эрдель проводил его взглядом и пошел к метро. Он решил сразу ехать к знакомому профессору и оставить книги у него. Не то чтобы Степану удалось его напугать. В двадцать два года абстрактных угроз не бояться. Но у него осталось неприятное ощущение и от визита в арбатский особняк, и от своей удачной сделки, и даже от знакомства со Степаном, которое, в других обстоятельствах, ему захотелось бы продолжить.

Они не обменялись ни телефонами, ни адресами, не спросили, кто где учится. Но Эрдель, завершая рассказ, признался Александре, что был тогда абсолютно уверен: их пути еще пересекутся.

– Такие люди, как он, я, да и как вы, дорогая Саша, ходят одними и теми же дорожками, потому что других не протоптано... К сожалению, одними и теми же...

Он внезапно замолчал, к великому разочарованию слушательницы, которую очень увлекла эта история. Правда, Александра так и не сумела понять, какое отношение имеет к нынешней депрессии Эрделя происшествие более, чем сорокалетней давности? У нее сложилось впечатление что коллекционер остановился, побоявшись произнести всего несколько последних слов. Видя, что Эрдель вновь ушел в себя и принялся играть чайной ложкой, водя ею по пустому блюду, женщина решила задать вопрос, который ее волновал:

– Ну а с вами-то что происходит, Евгений Игоревич? Что сейчас-то неладно? Ведь все это случилось так давно...

– Увы, Саша, – встряхнувшись, ответил он, глядя на нее такими печальными, тревожными глазами, что у Александры сжалось сердце. – То, что случилось давно, может повториться или уже повторяется сейчас... Дай Бог, чтобы я ошибся. Дай Бог!

Больше никаких объяснений не последовало. Тогда, неделю назад, расставшись с коллекционером, Александра пыталась сама додумать эту загадочную историю. Единственная догадка, проверить которую, правда, без Эрделя было невозможно, заключалась в том, что упитанный парень с наглым лицом и не самым популярным для своего поколения именем «Степан», собиравший картины, – не кто иной, как именитый ныне коллекционер Степан Ильич Воронов, знакомства с которым она долго и безуспешно искала.

Отправляясь на выставку, Александра уже выстраивала в уме возможную линию беседы с коллекционером. Она собиралась сказать ему о своем давнем знакомстве с Эрделем. Однако до беседы не дошло...

Уже в полусне, все глубже проваливаясь в мягко сияющий туман, откуда одна за другой выплывали тени, Александра снова увидела, как на полу выставочного зала бьется в конвульсиях грузный человек с побелевшим, отекившим, изможденным лицом. Сиплое агонизирующее дыхание умирающего подавало отчаянные сигналы о том, что воздух в легкие почти не поступает. Остекленевшие глаза отчаянно искали рядом что-то или кого-то. И вдруг остановились на Александре, и она вновь увидела то, о чем пыталась забыть – безумную, бессмысленную, обращенную в ее адрес улыбку.

Женщина коротко вскрикнула во сне и содрогнулась всем телом, словно пыталась убежать. Мышь, украдкой хозяйничавшая на столе и обнюхивающая маслянистую бумагу, в которую недавно были завернуты пирожки, покатила прочь серым шариком и, неловко сорвавшись с клеенки, исчезла в темном углу. Налетевший шквальный ветер отчаянно загрохотал полусорванным стальным листом на крыше. Но этот привычный зимний звук не разбудил художницу. Она уже провалилась в более глубокий, придонный слой сна, где не было ни воспоминаний о прошедшем дне, ни страхов перед днем наступающим.

Глава 4

...В комнате, где она мирно беседовала с Эрделем, совершенно здоровым и даже необыкновенно веселым, было странное освещение. Свет падал через окно, сплошь заклеенное желтой от древности бумагой – словно специально для этой цели разорвали на страницы одну из книг коллекционера. Но на листах не было напечатано ни строчки. Они с Эрделем сидели за круглым столом, стоявшим у него на кухне, на этом сходство с его квартирой заканчивалось. Комната была незнакомая, Александра здесь никогда не бывала. Эрдель рассказывал ей запутанную беспредметную историю, смысла которой женщина никак не могла уловить. Она изо всех сил напрягала внимание, а отчаявшись, стала делать только вид, что слушает, боясь обидеть коллекционера. Когда в дверь с силой забарабанили, Эрдель разом умолк. Александра взглянула на закрытую дверь, а когда перевела взгляд обратно, обнаружила, что стул напротив пуст.

Стук не утихал, в нем появилось что-то назойливое, раздражающее нервы, присущее яркому свету, бьющему в усталые глаза, привыкшие к сумеркам. Наступил миг, когда Александра поняла, что спит и слышит стук извне, из реальности. Ей удалось вытолкнуть себя из незнакомой комнаты, и она очутилась в своей мансарде. Было светло (давно наступило утро), холодно (она забыла включить батарею на ночь). Плечо и рука, выпростанные во сне из-под акрилового пледа, озябли до одеревенения. В дверь, обитую железными листами, настойчиво барабанили снаружи.

Александра села на тахте, взглянула на часы – половина одиннадцатого. Так «рано», без предварительной договоренности, к ней обычно никто не приходил. Все знали, что она работает допоздна, порой до утра, и оживает после полудня. Выбравшись из постели, она подошла к двери и громко спросила:

– Кто?

– Да я это, – раздался приглушенный голос, который художница узнала сразу, спустя столько лет.

– Рита? Уже?!

Распахнув дверь, она обняла подругу, которая пыталась отстранить ее, со словами: «Дай хоть на тебя посмотреть!» Затащив Маргариту в мастерскую, Александра заметалась, спростоня и от радости не соображая, за что взяться: поставить чайник, усадить гостью, задать вопросы, так и крутившиеся на языке... Маргарита, едва оглядевшись, между тем воскликнула:

– Однако тут уютно!

Она была первым человеком, высказавшим такое мнение о мансарде, которую сама хозяйка втайне считала очень уютной и удобной. Александра обрадовалась, как обрадовалась бы мать не самого одаренного ребенка, впервые услышавшая похвалу его способностям.

– Правда?! – подхватила художница. – Во всяком случае, просторно. И я тут полная хозяйка.

– Это главное, – поддакнула Маргарита, обводя взглядом захламленные углы мастерской. Казалось, созерцание разрухи доставляло ей удовольствие. – Чего еще желать? Ты отлично устроилась!

Александра насыпала в турку молотый кофе, залила водой из чайника и принялась колдовать со старой электрической плиткой, имевшей обыкновение иногда выключаться по собственной инициативе. Попутно она посматривала на гостью, которая уже расположилась в старом кресле, набросив на колени валявшийся тут же плед. Маргарита курила, болтала и вела себя так, словно обитала в мансарде не первый год. Она стрекотала, то и дело твердя комплименты мастерской и самой Александре, а художнице все явственнее чудилось за этой стремительной болтовней нечто совсем невеселое. Маргарита словно пыталась выстроить стену из

гладких, неискренних, мало значимых слов, чтобы спрятать за нею истинный смысл своего визита.

«Она изменилась. – Александра пыталась следить одновременно за лицом гостьи и за уровнем вздымавшегося в турке кофе. – Сильно изменилась, и как-то странно. Вовсе не постарела. Пятнадцати лет как не было. Волосы у нее раньше были длинные, черные, кудрявые, а теперь рыжее короткое каре. Но стрижка ее даже молодит. Не похоже, чтобы бедствовала, голодала – руки ухоженные, одежда недешевая. Но что-то с ней не так. Что-то очень не так! Какой у нее стал бегающий, беспокойный взгляд! Будто прислушивается к чему-то, ждет... И в глаза не смотрит. Раньше такого не было...»

Маргарита и в самом деле умудрилась ни разу не посмотреть хозяйке мансарды прямо в глаза. Сварив кофе и разлив его по кружкам, Александра нарочно уселась напротив гостьи, чтобы той было затруднительно смотреть куда-то в сторону. Но Маргарита уставилась в кружку и, казалось, говорила теперь с поднимающимся из нее ароматным паром:

– А я, знаешь, решила ехать без предупреждения. Зачем церемонии? Пыталась найти твой след через знакомых, по телефону, дали этот адрес... Подумала, поеду на авось... Вдруг обрадуешься?

– Да я очень рада! – заверила подругу Александра.

Маргарита вымученно засмеялась, глядя в кружку:

– Ну, тут не предскажешь, рада ты будешь или не рада, столько лет прошло... Неужели пятнадцать? Я в поезде стала считать и сбилась...

– Пятнадцать, – подтвердила Александра. – Ты поездом ехала из Киева?

Маргарита подняла наконец глаза и на миг взглянула художнице в лицо. Взгляд она тут же отвела, но Александра успела прочесть в нем смятение. Во всяком случае, именно так она расшифровала выражение, которое ошеломило и даже напугало ее.

– Почему из Киева? – переспросила Маргарита. – Я там уж лет десять не была.

– Но где ты жила все эти годы? За границей?

Она не боялась коснуться больной темы о несостоявшемся замужестве подруги. «Ведь это было так давно!» И правда, Маргарита усмехнулась:

– Везде понемногу! В том числе за границей. Да ничего интересного. Расскажи лучше о себе. Ты ведь вышла за Федора, я его помню, красивый был парень. Потом... Я слышала разное...

– Слышала правду, наверное, – пожала плечами Александра, разочарованная таким оборотом разговора. Она сейчас предпочла бы послушать чужую исповедь, чем самой ворошить старые воспоминания. – Люди повторяют и помнят чаще все неприятное... А неприятностей я с Федором хлебнула. Родители сразу восстали против него. Работать он толком не мог устроиться... Постоянно врал... Да еще на мои плачевные заработки, тогда-то, в девяносто восьмом году, содержал свою первую семью в Архангельске!

– Он был женат?! – вежливо изумилась Маргарита. Она даже не очень старалась изобразить искренний интерес. – Я не знала!

– Никто не знал, – отрезала Александра, окончательно утратившая желание откровенничать с неблагодарным слушателем. – Для меня тоже стало сюрпризом... Мы расстались, устали друг от друга. Ну а потом я познакомилась со своим вторым «принцем», вот сейчас мы сидим в его мастерской. Иван Корзухин, пейзажист... Слышала?

Гостья отрицательно покачала головой.

– Сейчас о нем помнят единицы, – вздохнула Александра, поднимаясь из-за стола, чтобы сварить еще кофе. – Тогда он вдруг снова оказался в моде, после целого десятилетия забвения... На короткое время. К сожалению, Иван был уже сильно болен... Работать не мог и не хотел.

– Чем он болел?

– Русской болезнью, – через плечо бросила Александра. – Пил горькую. Это даже запоем не назвать, он был пьян всегда. Более или менее.

– Как же ты с ним жила, зачем? – Наконец в голосе подруги послышались сердечные интонации. Маргарита, резко повернувшись в кресле, следила за тем, как хозяйка мастерской пытается включить строптивую плитку. – Да еще он был тебя старше, наверное?

– Всего на двенадцать лет. – Плитка в конце концов сдалась, Александра поставила на нее турку и повернулась к слушательнице. – Как я с ним жила, ты видишь. Оглянись, тут ничего не изменилось с тех пор, как он умер. А зачем? Этого я не знаю... Наверное, был один день, когда я любила его... Или нет, не было ни дня. Но мне хотелось с ним быть. Не знаю, что я себе вообразила? Спасти большого художника? Внести в его погубленную жизнь новый смысл? Наверное, я его просто жалела... И мне нравились его картины... Такие тихие, всегда с облачным небом, с раскисшими деревенскими дорогами, черными домишками... Какие-то смиренные... Будто жизнь, прожитая где-то на обочине, вдали от шума, или тайная молитва... Молитва про себя, за всех... За всю эту безмолвную вечную нищету...

На раскаленную конфорку гневной струей побежал вскипевший кофе, следить за котлым женщина забыла. Плитка с протестующим треском погасла. Застонав, Александра схватила турку тряпкой и поставила на стол.

– Плитке конец, она давно этого ждала... Что это я расчувствовалась вдруг? Тебя увидела... Но не беда, мы с тобой сейчас переедем на новую квартиру.

– Куда это? – встревожилась Маргарита. – Я так устала, знаешь... У меня нет сил переезжать!

– Всего-то спустимся на второй этаж, – успокоила ее Александра. – Мне только вчера уступили пустую мастерскую. Там удобств больше, грязи меньше. Хозяин даже плитку бросил, куда лучше мой! Сюда я буду приходить только работать. И тебе не помешают своими вонючими лаками, растворителями... Кстати, ты работаешь? Пишешь что-нибудь?

– Нет, давно уже нет, – рассеянно ответила подруга. Она вовсе не выглядела успокоенной, и казалось, что-то напряженно обдумывала. – Слушай, я все не решаюсь спросить, как ты относишься к тому, что я у тебя поживу?

– Буду счастлива. – Александра озадаченно нахмурилась. Смысл вопроса остался для нее темным. – Зачем спрашивать о таких вещах?

– Нет, ты, должно быть, не понимаешь... – Маргарита мялась, нервно улыбаясь и пряча улыбку за дымом очередной сигареты. Курила она почти непрерывно. – Может, я надолго...

– Живи, сколько понадобится. Это не гостиница, тут хозяев-то как таковых и нет.

– Хорошо... – Гостья ссутулилась, стряхивая пепел в банку из-под кофе, стоявшую на полу.

Александра отметила, что ее рука слегка дрожит. «Она устала и вымотана... Что-то случилось, а говорить не хочет».

Маргарита будто угадала ее мысли и попыталась улыбнуться:

– Я все тебе расскажу, попозже... Когда приду в себя. Если бы ты знала, какими жестокими бывают люди! Как они любят добивать, приканчивать того, кому и так невмоготу! Ты не такая, ты и раньше была добрая и сейчас, я смотрю, не изменилась. Поэтому я к тебе и приехала.

Александра подошла и придвинула стул вплотную к креслу, где сидела гостья.

– Все расскажешь, если захочешь и когда захочешь. Не думай, что ты обязана это делать. Я к тебе в душу не лезу. Но если я могу помочь... Может, мне лучше знать подробности?

Рита выставила руку, будто отгораживаясь от возможных расспросов:

– Потом, потом! И ничего ты не сможешь сделать, Саша, правда. Ты уже помогла. Мне некуда было деваться... Есть, конечно, адреса, но туда мне нельзя... Меня бы там нашли.

– Ты бежишь?! Прячешься?! – догадалась Александра.

Ответа не последовало, но художница яснее ясного прочла его в карих, круглых от страха глазах гостыи. Александра решительно встала:

– Здесь можешь оставаться, сколько угодно. Ничего не бойся. Кто знает, что ты поехала ко мне? Один человек точно знает!

Художница имела в виду их общего знакомого, который предупредил ее о возможном появлении Маргариты. Подруга отмахнулась:

– Этот-то! Этого я не боюсь.

Александра не стала уточнять, кого боится ее гостыя.

Ей уже было ясно, что любой конкретный вопрос пугает Маргариту. «Тут что-то серьезное, мне, как всегда, повезло ввязаться в историю, смысла которой я не понимаю! Но не могла же я ее выгнать, она ищет у меня помощи!» – думала художница, разливая по кружкам жалкие остатки уцелевшего в турке кофе. Это были последние крохи, следовало пополнить запасы. Она подошла к окну, взглянула на часто сыплющий мокрый снег, машинально поежилась.

– Сходим в магазин? – предложила она Маргарите. – Я живу безалаберно, у меня запасов нет. Собственно, холодильник сломался, но я и самых простых продуктов не храню, тут же мыши, да и крысы наведываются...

– Не стоит беспокоиться, – ответила Рита, судорожно имитируя улыбку. – Я не отъедаться к тебе приехала. У меня и аппетита нет. Незачем специально готовить.

– Я и не умею готовить, если помнишь! – засмеялась Александра. – Этим у нас славилась как раз ты!

В жизни не забуду, как ты читала нам мораль на тему, что нормальную еду умеют готовить только в Киеве... Это в нашей-то страшной академической общаге, где не то что гурманствовать, курить было противно! Я и подумала сейчас, вдруг ты приготовишь по старой памяти что-нибудь этакое...

– Я не против. – Маргарита делала вид, что ей весело, но улыбка, прилипшая к ее губам, все больше напоминала гримасу. – Если купишь мяса, пару луковиц, масло, перец и горчицу, я попробую что-то изобрести на скорую руку. Но плитку лучше раздобыть исправную. Только в магазин не пойду, если ты не против... Так устала... Прямо разбитая вся... Не обижайся...

Александра и не думала обижаться. Она уже одевалась на выход, попутно планируя в уме свой день, из которого, в связи с намечавшимся застольем, должны были исчезнуть все деловые встречи, а также, вероятно, поездка в больницу к Эрделю. Укол совести был не таким ощутимым, как ожидала художница. Вчерашний настрой – обязательно добиться встречи с Эрделем и все прояснить – улетучился. Александра не могла не признать себе, что обижена. «Да что там, сильно обижена! – думала она, застегивая куртку. – Дружили годами, и вот вам... Не желает видеть. Может, ему наговорили про меня чего-то? В любом случае, сейчас он болен и не время выяснять всякую ерунду. Мы объяснимся... позже!»

Остановившись на пороге, художница спросила у подруги:

– Тебе ничего не нужно купить? Может, сигареты? Чтоб потом не бегать...

– Ничего, – ответила та, скорчившись в кресле и кутаясь в плед, тонкий, истертый, совсем не гревший. Промозглый воздух мастерской начинал пробирать ее до костей, как всех непривычных посетителей. – А ты запрешь меня?

– Не стоит, – улыбнулась Александра. – Я редко запираюсь, разве на ночь. Но если тебе страшно...

– Запри дверь, пожалуйста, от греха! – Маргарита вновь сверкнула своей пустой улыбкой. – Центр города... Мало ли кто забредет... Я тут никого не знаю...

Казалось, она подбирала слова наугад, не очень заботясь о смысле, просто добиваясь своей цели. Александра кивнула и, переступив порог, заперла дверь, повернув ключ на все три оборота, что делала крайне редко, только когда уезжала в долгую командировку. Спускаясь по лестнице, художница сделала неутешительный вывод: неприятности ее подруги такого рода,

что та явно боится показываться на улице. «И Риту трясет от мысли, что кто-то может увидеть ее в моей мастерской!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.